

**Речь Президента РФ В.В.Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай»
(Сочи, 7 ноября 2024 года)**

Тема заседания: «Прочный мир – на какой основе? Всеобщая безопасность и равные возможности для развития в XXI веке»

* * *

Ф.Лукьянов: Уважаемые дамы и господа! Дорогие гости, дорогие друзья, участники заседания клуба «Валдай»!

Мы начинаем пленарную сессию XXI ежегодного заседания международного дискуссионного клуба Валдай. Мы провели четыре восхитительных и наполненных дискуссиями дня и теперь можем, так сказать, попробовать подвести некоторые итоги.

Приглашаю на сцену Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина.

В.Путин: Благодарю вас. Спасибо большое.

Добрый день, уважаемые дамы и господа, дорогие друзья!

Очень рад приветствовать всех вас на нашей традиционной встрече. И сразу же хочу поблагодарить за участие в острых, содержательных дискуссиях Валдайского клуба. Мы с вами встречаемся 7 ноября, дата значимая и для нашей страны, можно сказать, и для всего мира. Русская революция 1917 года, как в своё время нидерландская, английская, Великая французская революция, стали в известной степени вехами в развитии человечества, во многом определили ход истории, характер политики, дипломатии, экономики и общественного устройства.

Нам с вами также выпало жить в эпоху кардинальных, по сути, революционных перемен, не только осмыслять, но и быть непосредственными участниками сложнейших процессов первой четверти XXI века. Валдайскому клубу, почти ровеснику нашего века, уже 20 лет. В таких случаях часто, между прочим, говорят, что время летит незаметно, быстро, но в данном случае так не скажешь. Эти два десятилетия не просто были насыщены важнейшими, подчас драматическими событиями поистине исторического масштаба – на наших глазах формируется совершенно новое мировое устройство, непохожее на то, что мы знаем из прошлого, например, Вестфальскую или Ялтинскую систему.

Поднимаются новые державы. Народы чётче и яснее осознают свои интересы, свою самоценность, самобытность и идентичность, всё твёрже настаивают на достижении целей развития и справедливости. При этом общества сталкиваются с бóльшим количеством новых вызовов: от захватывающих технологических изменений до катастрофических природных катаклизмов, от вопиющего социального расслоения до массовых миграционных волн и острейших экономических кризисов.

Эксперты говорят об угрозах новых региональных конфликтов, глобальных эпидемий, о сложных и неоднозначных этических аспектах взаимодействия человека и искусственного интеллекта, о том, как сочетаются друг с другом традиции и прогресс.

Какие-то из этих проблем мы с вами предсказывали, встречаясь раньше, детально даже обсуждали, встречаясь на Валдае, в Валдайском клубе, а какие-то интуитивно только предчувствовали, надеясь на лучшее, но не исключая и худшего сценария.

Что-то, напротив, стало для всех полной неожиданностью. Действительно, динамика очень сильная. Непредсказуем современный мир, это уж точно. Если оглянуться на 20 лет назад и оценить масштаб изменений, а затем спроецировать эти изменения на предстоящие годы, можно предположить, что следующее двадцатилетие будет не менее, а то и более сложным. А насколько – конечно, зависит от множества, большого количества факторов. Вот для того, чтобы их проанализировать, попробовать что-то спрогнозировать, я так понимаю, вы и собираетесь в Валдайском клубе.

Наступает в некотором смысле момент истины. Прежнее устройство мира безвозвратно уходит, можно сказать, уже ушло, а за формирование нового разворачивается серьёзная, непримиримая борьба. Непримиримая прежде всего по той причине, что это даже не схватка за власть или за геополитическое влияние. Это столкновение самих принципов, на которых будут строиться отношения стран и народов на следующем историческом этапе. От его исхода зависит, сможем ли мы все вместе, совместными усилиями построить мироздание, которое позволит развиваться всем, решать возникающие противоречия на основе взаимного уважения культур и цивилизаций, без принуждения и применения силы. Наконец, сможет ли человеческое общество остаться обществом с его этическими гуманистическими началами, а человек – остаться человеком.

«Наступает в некотором смысле момент истины. Прежнее устройство мира безвозвратно уходит, можно сказать, уже ушло, а за формирование нового разворачивается серьёзная, непримиримая борьба»

Казалось бы, альтернативы этому нет. На первый взгляд. Но, к сожалению, есть. Это погружение человечества в пучину агрессивной анархии, внутренних и внешних расколов, утрата традиционных ценностей, новые форматы тирании, фактический отказ от классических принципов демократии, базовых прав и свобод. Всё чаще демократию начинают трактовать как власть не большинства, а меньшинства и даже противопоставляют традиционную демократию и народовластие некой абстрактной свободе, ради которой демократическими процедурами, выборами, мнением большинства, свободой слова и неангажированностью СМИ, как некоторые считают, можно и пренебречь, можно и пожертвовать.

«Всё чаще демократию начинают трактовать как власть не большинства, а меньшинства...»

Угрозой является навязывание, превращение в норму тоталитарных по своей сути идеологий, что мы видим на примере западного либерализма, сегодняшнего западного либерализма, который выролдился, полагаю, в крайнюю нетерпимость и агрессию к любой альтернативе, к любой суверенной и независимой мысли и сегодня оправдывает неонацизм, терроризм, расизм и даже массовый геноцид гражданского населения.

Наконец, это международные конфликты и столкновения, чреватые взаимным уничтожением. Ведь оружие, способное это делать, существует и постоянно совершенствуется, приобретает новые формы по мере развития технологий. А клуб обладателей такого оружия расширяется, и никто не гарантирует, что в случае лавинообразного нарастания угроз и окончательного разрушения правовых и моральных норм оно не будет задействовано.

Уже говорил, что мы подошли к опасной черте. Призывы Запада нанести стратегическое поражение России – стране, обладающей крупнейшим арсеналом ядерного оружия, – демонстрируют запредельный авантюризм западных политиков. Ну, во всяком случае, некоторых из них. Такая слепая вера в собственную безнаказанность, исключительность может обернуться мировой трагедией. Вместе с тем прежние гегемоны, привыкшие ещё с колониальных времён повелевать миром, всё чаще с удивлением обнаруживают, что их перестают слушаться. Попытки силой удержать ускользающее могущество ведут лишь к всеобщей нестабильности и росту напряжённости, к жертвам и разрушениям. А вот того результата, к которому стремятся

«Такая слепая вера в собственную безнаказанность, исключительность может обернуться мировой трагедией»

желающие сохранить свою абсолютную, безраздельную власть, такие попытки всё равно не обеспечивают. Потому что ход истории остановить невозможно.

Вместо того чтобы осознать тщетность своих устремлений, объективный характер перемен, некоторые западные элиты, кажется, готовы пойти на всё, чтобы не допустить появления новой международной системы, отвечающей интересам мирового большинства. В политике Соединённых Штатов, например, и их союзников в последние годы всё более заметен принцип «не доставайся же никому», «если не с нами, то против нас». Ну послушайте, эта формула очень опасная. Потому что и у нас, и во многих странах мира есть такая поговорка: как аукнется, так и откликнется.

Хаос, системный кризис уже нарастает и в самих странах, которые пытаются проводить такую политику, у них самих претензии на исключительность, на либерально-глобалистское мессианство, на идеологическую и военно-политическую монополию всё больше истощают те страны, которые пытаются проводить такую политику, толкают мир к деградации, вступают в явное противоречие с подлинными интересами самих народов Соединённых Штатов Америки и европейских стран.

Уверен, что рано или поздно на Западе это поймут. Ведь в основе его былых великих достижений всегда лежал именно прагматичный, трезвый подход, основанный на весьма жёсткой, порой циничной, но рациональной оценке происходящего и собственных возможностей.

И в этой связи хочу вновь подчеркнуть: в отличие от наших оппонентов Россия не воспринимает западную цивилизацию как врага, не ставит вопрос «мы или они». Ещё раз повторю: «кто не с нами, тот против нас» – мы же так не говорим никогда. Мы не хотим никого ничему учить, никому навязывать своё мировоззрение. Наша позиция открыта, и она заключается в следующем.

«И в этой связи хочу вновь подчеркнуть: в отличие от наших оппонентов Россия не воспринимает западную цивилизацию как врага, не ставит вопрос «мы или они»

Запад накопил действительно огромные человеческие, интеллектуальные, культурные, материальные ресурсы, благодаря которым он может успешно развиваться, оставаясь одним из важнейших элементов мировой системы. Но именно «одним из», наравне с другими активно развивающимися государствами и группами стран. Ни о какой гегемонии в новой международной среде речи быть не может. И когда, допустим, в Вашингтоне и в других западных столицах осмысливают, признают этот неопровержимый, непреложный факт, процесс выстраивания мировой системы, соответствующей вызовам будущего, вступит наконец в фазу подлинного созидания. Дай бог, чтобы это произошло как можно скорее. Это в общих интересах, в том числе и прежде всего самого Запада.

Пока же нам, всем тем, кто заинтересован в создании справедливого и прочного мира, приходится тратить слишком много сил на преодоление деструктивных действий наших оппонентов, цепляющихся за собственную монополию. Ну это же очевидно, что это происходит, это все видят и на самом Западе, и на Востоке, на Юге – везде видят. Пытаются сохранить власть и монополию, очевидные вещи.

Эти усилия можно было бы направить с гораздо большей пользой, отдачей на решение действительно общих проблем, которые затрагивают всех: от проблем демографии и социального неравенства до климатических изменений, продовольственной безопасности, медицины и новых технологий. Вот над чем нужно было бы думать и над чем всем действительно нужно работать, чем заниматься.

Позволю себе сегодня несколько философских отступлений – у нас же дискуссионный клуб. Так что, надеюсь, это будет в струе тех дискуссий, которые шли здесь до сих пор.

Уже говорил: мир кардинально и необратимо меняется. От предыдущих версий устройства мировой системы он отличается сочетанием, параллельным существованием двух, казалось бы,

взаимоисключающих явлений: быстро растущей конфликтностью, фрагментацией политического, экономического, правового поля – это с одной стороны, и сохраняющейся теснейшей взаимосвязанностью всего мирового пространства – с другой. Это может восприниматься как некий парадокс. Ведь мы привыкли к тому, что описанные тенденции обычно просто идут одна за другой, сменяют друг друга. Век за веком эпохи конфликтов и разрыва связей чередуются с более благоприятными периодами взаимодействия. Такова динамика исторического развития.

Получается, что сегодня это не работает. Ну попробуем немножко порассуждать на эту тему. Острые, принципиальные, эмоционально наполненные конфликты, конечно, значительно осложняют мировое развитие, но не прерывают его. На месте разрушенных политическими решениями и даже военными средствами цепочек взаимодействия возникают другие. Да, гораздо более сложные, иногда запутанные, но сохраняющие экономические и социальные связи.

Мы увидели это на опыте последних лет. Совсем недавно коллективный Запад, так называемый коллективный Запад, предпринял беспрецедентную попытку отлучить Россию от мировой системы, экономической и политической. Объём санкций, карательных мер, применяемых к нашей стране, не имеет аналогов в истории. Наши оппоненты предполагали, что нанесут России сокрушительный, нокаутирующий удар, от которого она уже просто не оправится, перестанет быть одним из ключевых элементов международного обихода.

Думаю, нет нужды напоминать, что произошло в реальности. Сам факт того, что юбилейный Валдай собрал такую представительную аудиторию, говорит, мне кажется, сам за себя. Но дело, конечно, не в Валдае. Дело в реалиях, в которых мы живём, в которых Россия существует. Россия нужна миру, и никакие решения ни вашингтонских, ни брюссельских якобы начальников над другими не способны изменить этого.

То же самое относится и к другим решениям. Против мощного течения не выплывает даже тренированный пловец, какие бы ухищрения и даже допинги он ни использовал. А течение мировой политики, мейнстрим направлен в другую сторону, в противоположную устремлениям Запада – от нисходящего гегемонистского мира к восходящему многообразию. Это очевидная вещь, как у нас в народе говорят, к бабке ходить не нужно. Это очевидно.

Давайте вернёмся к диалектике истории, сменам эпох конфликтов и сотрудничества. Действительно ли мир стал таким, что эта теория, эта практика больше не работают? Попробуем взглянуть на происходящее сегодня под немного другим углом зрения: а в чём, собственно, состоит конфликт и кто участвует в этом конфликте сегодняшнего дня?

С середины прошлого столетия, когда современными усилиями и ценой огромных потерь удалось победить нацизм – наиболее злостную, агрессивную идеологию, ставшую порождением острейших противоречий первой половины XX века, – перед человечеством стояла задача избежать возрождения подобного феномена и повторения мировых войн. Несмотря на все зигзаги и локальные стычки, общий вектор тогда определился. Это радикальное отвержение всех форм расизма, разрушение классической колониальной системы и расширение числа полноправных участников международной политики – спрос на открытость, демократичность международной системы был очевидным, – быстрое развитие разных стран и регионов, появление новых технологических и социально-экономических подходов, направленных на расширение возможностей развития и повышение благосостояния. Конечно, как и любой исторический процесс, это порождало столкновение интересов. Но, повторяю, общее стремление к гармонизации и развитию во всех аспектах этого понятия было налицо.

Наша страна, в ту пору Советский Союз, внесла большой вклад в укрепление этих тенденций. СССР помогал государствам, освободившимся от колониальной или неоколониальной зависимости, будь то Африка, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток или Латинская Америка. И отдельно напомню, что именно Советский Союз в середине 80-х годов прошлого века выступил за прекращение идеологической конфронтации, за преодоление наследия холодной войны,

собственно, за прекращение самой холодной войны и затем за преодоление ее наследия, тех барьеров, которые мешали единству мира и его всеобъемлющему развитию.

Да, у нас сложные отношения к тому периоду, учитывая, во что в итоге вылился курс тогдашнего политического руководства страны. С некоторыми трагическими последствиями нам приходится справляться, бороться до сих пор. Но сам порыв, хочу это подчеркнуть, сам порыв, пусть и неоправданно идеалистический со стороны наших руководителей и нашего народа, порой даже наивный подход, как сегодня мы это видим, без сомнения, диктовался искренними пожеланиями мира и всеобщего блага, что на самом деле исторически присуще характеру нашего народа, его традициям, системе ценностей, духовно-нравственных координат.

Но почему такие устремления привели к противоположным результатам? Вот вопрос. Ответ мы знаем, я уже неоднократно так или иначе упоминал об этом. Потому что другая сторона идеологического противостояния восприняла происходящие исторические события не как шанс переустроить мир на новых справедливых началах и принципах, а как свой триумф, победу, как капитуляцию нашей страны перед Западом, а значит, как возможность по праву победителя устанавливать собственное полное доминирование.

Я уже как-то говорил об этом, сейчас просто вскользь, не буду называть имён. В середине 90-х, даже в конце 90-х от одного из тогдашних политических деятелей США прозвучало: теперь мы будем относиться к России не как к побеждённому противнику, а как к тупому инструменту в наших руках. Вот этим руководствовались. Не хватило ни широты взгляда, ни общей культуры, ни политической культуры. Непонимание того, что происходит, и незнание России. В том, как Запад превратно и в своих интересах истолковал то, что считал итогами холодной войны, как стал перекраивать под себя мир, его беспардонная и беспрецедентная геополитическая жадность – вот подлинные истоки конфликтов нашей исторической эпохи, начиная с трагедий Югославии, Ирака, Ливии, а сегодня и Украины, и Ближнего Востока.

Некоторым западным элитам показалось, что наступившая монополия, их монополия, момент однополярности в идейном, экономическом, политическом и даже отчасти военно-стратегическом смысле и есть станция назначения. Всё, приехали. «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» Как самонадеянно тогда было объявлено, чуть ли не конец истории.

В этой аудитории нет нужды объяснять, насколько близоруким и ошибочным оказалось это осуждение. История не закончилась, напротив, вступила просто в новую фазу. И дело ведь не в том, что какие-то зловерные враги, конкуренты, подрывные элементы мешали Западу в установлении своей системы мировой власти.

Скажем честно, после исчезновения СССР – модели советской социалистической альтернативы – многим в мире поначалу показалось, что монополярная система пришла надолго, чуть ли не навсегда, и к ней нужно просто приспособиться. Но она зашаталась сама по себе, сама под грузом амбиций и алчности этих западных элит. А когда они увидели, что в рамках даже той системы, которую они создали под себя (после Второй мировой войны, конечно, надо признать, победители создавали Ялтинскую систему под себя, а потом, после холодной войны, якобы победители в холодной войне начали создавать под себя, корректируя эту Ялтинскую систему – вот в чём проблема), ну так вот, которую они создавали под себя своими собственными руками, начинают преуспевать и лидировать совсем другие (вот что они увидели: систему создали – и вдруг появляются другие лидеры в рамках этой системы), безусловно, они тут же взялись корректировать эту систему, созданную уже ими под себя, начали нарушать те же самые правила, о которых говорили вчера, менять ими же самими установленные правила.

А какой же конфликт мы наблюдаем сегодня? Убеждён, это вовсе не конфликт всех со всеми, вызванный отступлением от неких правил, о которых нам часто твердят на Западе, вовсе нет. Мы видим конфликт между подавляющей частью населения планеты, которая хочет жить и развиваться во взаимосвязанном мире огромного количества возможностей, и мировым меньшинством, которое озабочено только одним, как я уже говорил, – сохранением своего

доминирования. И ради этого оно готово разрушать достижения, ставшие результатом длительного развития в направлении всеобщей мировой системы. Но из этого, как видим, ничего не получается и не получится ничего.

При этом сам Запад лицемерно пытается всех нас убедить, что под угрозой то, чего добивалось человечество после Второй мировой войны. Ничего подобного, я сейчас только что об этом упомянул. И Россия, и подавляющее большинство стран как раз стремятся к тому, чтобы укрепить дух международного прогресса и стремления к прочному миру, который составлял стержень развития с середины прошлого столетия.

А под угрозой на самом деле совсем другое. Под угрозой как раз эта монополия Запада, которая возникла после развала Советского Союза, обретённая им на некоторое время в конце XX столетия. Но ещё раз хочу это сказать, да и присутствующие в этом зале понимают: любая монополия, как нам известно из истории, рано или поздно заканчивается. Иллюзий здесь быть не может. Да и монополия – это всегда вредная вещь даже для самих монополистов.

Политика элит коллективного Запада влиятельна, но – по числу участников весьма ограниченного клуба – нацелена не вперёд, не на созидание, а назад, на удержание. Любой любитель спорта, не говоря о профессионалах, в футболе, в хоккее, в любых видах единоборств знает: игра на удержание практически всегда ведёт к поражению.

Возвращаясь к диалектике истории, можно сказать, что параллельное существование конфликтности и стремление к гармонии, конечно, неустойчивое. Противоречия эпохи рано или поздно должны разрешиться синтезом, переходом к другому качеству. И при вступлении в эту новую фазу развития – выстраивания новой мировой архитектуры, всем нам важно не повторить ошибок конца прошлого века, когда, как уже говорил, Запад попытался навязать всем свою глубоко, на мой взгляд, порочную, чреватую новыми конфликтами модель выхода из холодной войны.

В формирующемся многополярном мире не должно быть проигравших стран и народов, никто не должен чувствовать себя ущемлённым и униженным. Только тогда мы сможем обеспечить действительно долгосрочные условия для всеобщего, справедливого и безопасного развития. Стремление к сотрудничеству и взаимодействию уже сейчас, без сомнения, берёт верх, преодолевая острейшие ситуации. Можно смело сказать, что это и есть международный мейнстрим – магистральное течение событий. Конечно, находясь в эпицентре тектонических сдвигов, вызванных глубинными изменениями мировой системы, трудно предсказывать будущее. А поскольку нам известно общее направление изменений – от гегемонии к сложно устроенному миру многостороннего сотрудничества, можно попробовать очертить хотя бы некоторые грядущие контуры.

Выступая на Валдайском форуме в прошлом году, позволил себе изложить шесть принципов, которые, на наш взгляд, должны быть положены в основу отношений на новом историческом этапе развития. Произошедшие события и время, на мой взгляд, только подтвердили и справедливость, и обоснованность выдвинутых предложений. Я попробую их развить.

Первое. Открытость к взаимодействию является важнейшей ценностью для подавляющего большинства стран и народов. Попытки возведения искусственных барьеров порочны не только тем, что тормозят нормальное и выгодное всем экономическое развитие. Прерывание связей особенно опасно в условиях природных катаклизмов, социально-политических потрясений, без которых, увы, не обходится международная практика.

«Первое. Открытость к взаимодействию является важнейшей ценностью для подавляющего большинства стран и народов»

Недопустимы, например, ситуации, подобные той, что случилась в прошлом году после катастрофического землетрясения в Малой Азии. Исключительно по политическим причинам было заблокировано оказание помощи народу Сирии, некоторые районы сильно пострадали от

удара стихии. И такие примеры, когда эгоистические, конъюнктурные интересы препятствуют реализации всеобщего блага, вовсе не единичны.

Безбарьерная среда, о которой говорил в прошлом году, – это залог не только экономического процветания, но и удовлетворения острых гуманитарных нужд. А в условиях новых вызовов, среди которых и последствия стремительного развития технологий, человечеству просто жизненно необходимо объединять интеллектуальные усилия. Показательно, что основными противниками открытости стали сегодня те, кто совсем недавно, вчера, что называется, больше всех поднимали её на щит.

Сегодня те же силы и люди пытаются использовать ограничения как инструмент давления на инакомыслящих. Из этого ничего не выйдет по той же самой причине: огромное мировое большинство за открытость без политизации.

Второе. Мы всегда говорили о многообразии мира как обязательном условии его устойчивости. Может показаться парадоксом, ведь чем пестрее, тем сложнее выстроить единую картину. И конечно, универсальные нормы здесь вроде бы должны помочь. Могут ли они это сделать? Спору нет, это сложно, непросто сделать. Но, во-первых, не должно быть ситуации, когда модель одной страны или относительно небольшой части человечества берётся за что-то универсальное и навязывается всем остальным. И, второе, никакой условный, даже вполне демократически выработанный кодекс невозможно взять [и] раз и навсегда приписать как директиву, как неоспоримую истину другим.

«Второе. Мы всегда говорили о многообразии мира как обязательном условии его устойчивости»

Международное сообщество – это живой организм, ценность и уникальность которого в его цивилизационном многообразии. Международное право – продукт договорённостей даже не стран, а народов, ведь правовое сознание – неотъемлемая и самобытная часть каждой культуры, каждой цивилизации. Кризис международного права, о котором сейчас говорят, – это в некотором смысле кризис роста.

Подъём народов и культур, которые раньше по тем или иным причинам оставались на политической периферии, означает, что их собственные, самобытные представления о праве и справедливости играют всё более весомую роль. Они разные. Отсюда может возникнуть впечатление разнобоя и какофонии какой-то, но это лишь первый этап становления. И убеждён, что новое устройство возможно только на принципах многоголосия, гармоничного звучания всех музыкальных тем. Если угодно, мы движемся к мироустройству не столько полицентрическому, сколько к полифоническому, в котором слышны и, главное, должны быть услышаны все голоса. Тем, кто привык и хочет исключительно солировать, придётся привыкать к новой мировой партитуре.

Я уже говорил, что такое международное право после окончания Второй мировой войны. В основе международного права лежит Устав ООН, который был написан странами-победительницами. Но мир меняется, конечно, появляются новые центры силы, мощные экономики растут, выходят на первое место. Конечно, нужно, чтобы правовое регулирование тоже менялось. Конечно, аккуратно это надо делать, но это неизбежно. Право отражает жизнь, а не наоборот.

Третье. Мы не раз говорили, что новый мир может успешно развиваться только на принципах максимальной представительности. Опыт последней пары десятилетий наглядно продемонстрировал, к чему приводит узурпаторство, чьё-то стремление присваивать себе право говорить и действовать от имени других. Те, кого принято называть великими державами, привыкли и приучились считать, что они имеют право определять, в чём состоит интерес других – вот интересное кино! – фактически диктовать другим их национальные

«Третье. Мы не раз говорили, что новый мир может успешно развиваться только на принципах максимальной представительности»

интересы исходя из своих собственных. Это не только нарушает принципы демократии и справедливости, хуже всего, что это, по сути, не позволяет реально решать насущные проблемы.

Наступающий мир не будет простым именно в силу своего многообразия. Чем больше полноправных участников процесса, тем сложнее, конечно, найти оптимальный, устраивающий всех вариант. Зато, когда он найден, есть надежда, что решение окажется устойчивым и долгосрочным. А ещё это позволяет избавиться от самодурства и импульсивных шараханий и, напротив, сделать политические процессы осмысленными и рациональными, руководствуясь принципом разумной достаточности. По большому счёту этот принцип заложен же и в Уставе ООН, и этот принцип в Совете Безопасности. Право вето – это что такое? Право вето для чего придумано было? Чтобы не проходили решения, которые не устраивают игроков на международной арене. Хорошо это или плохо? Плохо, наверное, для кого-то, что одна из сторон ставит барьер при принятии решений. Но хорошо в том смысле, что не проходят решения, которые кого-то не устраивают. О чём это говорит? Эта норма говорит о чём? Идите в переговорную комнату и договаривайтесь – смысл в этом.

Но, поскольку мир становится многополярным, надо найти такие инструменты, которые позволили бы расширить применение механизмов подобного рода. В каждом конкретном случае решение должно быть не просто коллективным, а включать тот состав участников, кто способен внести содержательный и значительный вклад в урегулирование проблем. Это прежде всего те участники, которые непосредственным образом заинтересованы найти позитивный выход из ситуации, потому что от этого на деле зависит их будущая безопасность, а значит, и процветание.

Нет числа примерам того, как сложные, но на самом деле разрешаемые противоречия соседних стран и народов превращались в непримиримые хронические конфликты из-за интриг и грубого вмешательства внешних сил, которым в принципе всё равно, что дальше будет с участниками этих конфликтов, сколько крови прольётся, сколько жертв они понесут. Они просто руководствуются – те, кто вмешивается со стороны, – своими исключительно эгоистическими интересами, при этом не беря на себя никакой ответственности.

Считаю также, что особую роль в будущем будут играть региональные организации, ведь страны-соседи, как бы сложно ни складывались отношения между ними, всегда объединяет общий интерес в стабильности и безопасности. Компромиссы просто жизненно необходимы им для достижения оптимальных условий собственного развития.

Далее. Ключевой принцип безопасности для всех без исключения. Безопасность одних не может быть обеспечена за счёт безопасности других. Я здесь ничего нового не говорю. Это в документах ОБСЕ всё прописано. Надо только, чтобы это исполнялось.

«Ключевой принцип безопасности для всех без исключения. Безопасность одних не может быть обеспечена за счёт безопасности других»

Блоковый подход, наследие колониальной эпохи холодной войны противоречит природе новой международной системы, открытой и гибкой. В мире сегодня остался лишь один блок, спаянный так называемой «обязаловкой», жёсткими идеологическими догмами и клише, – это Организация Североатлантического договора, которая, не прекращая экспансии на восток Европы, сейчас пытается распространить свои подходы и на другие пространства мира, нарушая свои собственные уставные документы. Это просто откровенный анахронизм.

Мы не раз говорили о той разрушительной роли, которую НАТО продолжала играть, особенно после распада Советского Союза и Варшавского договора, когда, казалось бы, альянс утратил формальный, ранее декларируемый повод и смысл своего существования. Мне кажется, что Соединённые Штаты понимали, что этот инструмент становится как бы непривлекательным, ненужным, а им нужен был и нужен сегодня, для того чтобы руководить в зоне своего влияния. Поэтому и конфликты нужны.

Вы знаете, ещё до всех острых конфликтов сегодняшнего дня мне многие европейские лидеры говорили: что они нас пугают тобой, нам не страшно, мы угрозы никаких не видим. Это прямая

речь, понимаете? Я думаю, что и в Штатах это прекрасно понимали, почувствовали, сами уже относились к НАТО как к второстепенной какой-то организации. Поверьте мне, я знаю, что говорю. Но всё-таки эксперты там понимали, что НАТО нужно. А как сохранить его ценность, привлекательность? Нужно напугать как следует, нужно Россию и Европу разорвать между собой, особенно Россию и Германию, Францию конфликтами. Вот и довели до госпереворота на Украине и до боевых действий на юго-востоке, в Донбассе. Просто вынудили нас на ответные действия, в этом смысле добились того, чего хотели. То же самое и в Азии происходит, на Корейском полуострове, мне кажется.

На деле мы видим, что мировое меньшинство, сохраняя и укрепляя свой военный блок, надеется таким образом сохранить власть. Однако даже внутри самого этого блока уже можно понимать, видеть, что жестокий диктат «старшего брата» никак не способствует решению стоящих перед всеми задач. Тем более явно противоположны такие устремления интересам остальных стран мира. Сотрудничать с теми, с кем выгодно, налаживать партнёрство со всеми, кто в этом заинтересован, – таков очевидный приоритет большинства стран планеты.

Очевидно, что военно-политические и идеологические блоки – это ещё один вид препятствий, возводимых на пути естественного развития такой международной системы. При этом замечу, что само понятие «игра с нулевой суммой», когда выигрывает только один, а все остальные остаются в проигрыше, – продукт западной политической мысли. Во время доминирования Запада такой подход навязали всем как универсальный, но он далеко не универсальный и работает не всегда.

Например, восточная философия, а многие здесь, в этом зале, знают об этом не понаслышке, не хуже, а, может быть, даже лучше, чем я, – построена совсем на другом подходе. Это поиск гармонии интересов, чтобы каждый мог достичь самого важного для себя, но не в ущерб интересам других. «Я выигрываю, но и ты выигрываешь». Да и русские люди всегда в России, все народы России всегда, когда это было возможно, исходили из того, что главное – не продалить своё мнение любыми путями и средствами, а постараться убедить, заинтересовать в честном партнёрстве и равноправном взаимодействии.

Наша история, в том числе история отечественной дипломатии, не раз показывала, что значит честь, благородство, миротворчество, снисхождение. Достаточно вспомнить роль России в устройстве Европы после эпохи наполеоновских войн. Я знаю, что там в известной степени это рассматривается как возврат, как попытка удержания там монархии и так далее. Дело сейчас совсем не в этом. Я говорю в целом о подходе к тому, как решались эти вопросы.

Прототип нового, свободного и неблокового характера отношений между государствами и народами – сообщество, которое формируется сейчас в рамках БРИКС. Это в том числе наглядно иллюстрирует тот факт, что даже среди членов НАТО есть те, как вы знаете, кто проявляет интерес к тесной работе с БРИКС. Я не исключаю, что в будущем и другие государства задумаются над совместной, более тесной работой с БРИКС.

Наша страна в этом году председательствовала в объединении, и совсем недавно, как вы знаете, прошёл саммит в Казани. Не скрою, выработка скоординированного подхода многих стран, интересы которых далеко не во всём и не всегда совпадают, дело непростое. Дипломатам и другим государственным деятелям пришлось приложить максимум сил, такта, на деле показать умение слышать, слушать друг друга, чтобы добиться желаемого результата. Немало сил на это ушло. Зато именно так рождается уникальный дух сотрудничества, он основан не на принуждении, а на взаимопонимании.

И мы уверены, что БРИКС даёт всем хороший пример по-настоящему конструктивного сотрудничества в новой международной обстановке. Добавлю, что площадки БРИКС, встречи предпринимателей, учёных, интеллектуалов наших стран могут стать пространством для глубокого философского, фундаментального осмысления современных процессов мирового развития с учётом особенностей каждой цивилизации с её культурой, историей, идентичностью традиций.

Дух уважения и учёта интересов – на этом основана и будущая система евразийской безопасности, которая начинает формироваться на нашем огромном материке. И это не только подлинно многосторонний подход, но ещё и многогранный. Ведь безопасность сегодня – понятие комплексное, включающее в себя отнюдь не только военно-политические аспекты. Безопасность невозможна без гарантий социально-экономического развития и обеспечения устойчивости государств перед лицом любых вызовов – от природных до рукотворных, – идёт ли речь о материальном или цифровом мире, киберпространстве и так далее.

Пятое. Справедливость для всех. Неравенство – настоящий бич современного мира. Внутри стран неравенство порождает социальную напряжённость и политическую нестабильность. На мировой арене разрыв в уровне развития между «золотым миллиардом» и остальным человечеством чреват не только нарастанием политических противоречий, но прежде всего углублением проблем миграции.

«Пятое. Справедливость для всех.
Неравенство – настоящий бич
современного мира»

Практически все развитые страны планеты сталкиваются со всё менее контролируемым притоком тех, кто надеется таким образом улучшить своё материальное положение, повысить социальный статус, обрести перспективы, а порой просто выжить.

В свою очередь, такая миграционная стихия провоцирует рост ксенофобии и нетерпимости к приезжим в более богатых обществах, что запускает спираль социально-политического неблагополучия, повышает уровень агрессии.

Отставание многих стран и обществ по уровню социально-экономического развития – комплексный феномен. Волшебного средства против этой болезни, конечно, нет. Нужна долгосрочная системная работа. Во всяком случае, здесь необходимо создать условия, при которых будут сняты искусственные, политически мотивированные препятствия для развития.

Попытки использовать экономику в качестве оружия, против кого бы это ни было направлено, бьют по всем, в первую очередь по самым уязвимым – по людям и странам, нуждающимся в поддержке.

Убеждены, что такие проблемы, как продовольственная, энергетическая безопасность, доступ к услугам в сфере здравоохранения и образования, наконец, возможность законного и беспрепятственного перемещения людей должны быть вынесены за скобки любых конфликтов и противоречий. Это и есть базовые права человека.

Шестое. Мы не устаём подчёркивать, что любое устойчивое международное устройство может базироваться только на принципах суверенного равенства. Да, все страны обладают разным потенциалом, это очевидно, и возможности у них далеко не одинаковые. В этой связи часто приходится слышать, что полное равноправие невозможно, утопично и иллюзорно. Но

«Шестое. Мы не устаём подчёркивать,
что любое устойчивое международное
устройство может базироваться только
на принципах суверенного равенства»

особенность современного мира, тесно связанного и целостного, как раз и заключается в том, что государства не самые могучие, большие, зачастую играют даже большую роль, чем гиганты, хотя бы потому, что они способны более рационально и целенаправленно использовать свой человеческий, интеллектуальный, природный и экологический потенциал, гибко и разумно подходят к решению сложных вопросов, задают высокие стандарты в качестве жизни, в этике, в эффективности управления, в создании возможностей для самореализации каждого, в формировании условий, благоприятной психологической атмосферы в обществе для взлёта науки, предпринимательства, искусства, творчества, раскрытия таланта молодёжи. Всё это сегодня становится факторами глобального влияния. Перефразируя физические законы: проигрывая в смысле, можно выиграть в результативности.

Самое вредное, деструктивное, что проявляется в сегодняшнем мире, – это высокомерие, отношение к кому-то свысока, желание бесконечно и навязчиво поучать. Россия никогда это не делала, ей это несвойственно. И мы видим, что наш подход продуктивен. Исторический опыт неопровержимо показывает: неравноправие – будь то в обществе, государстве, на международной арене – обязательно ведёт к дурным последствиям.

Хочу добавить, о чём ранее, может быть, и не упоминал часто. За несколько столетий в западноцентричном мире выработались некие клише, стереотипы, своего рода иерархия. Есть развитый мир, прогрессивное человечество и некая универсальная цивилизация, к которой все должны стремиться, а есть отсталые, нецивилизованные народы, варвары. Их дело – беспрекословно слушать, что им говорят со стороны, и действовать по указанию тех, кто якобы стоит выше этих народов в цивилизационной иерархии.

Понятно, что такая оболочка – для грубого колониального подхода, для эксплуатации мирового большинства. Но беда в том, что эта, по сути, расистская идеология пустила корни в сознание очень многих. И это тоже серьёзное ментальное препятствие для всеобщего гармоничного развития.

Современный мир не терпит не только высокомерия, но и глухоты к особенностям, самобытности других. Чтобы выстраивать нормальные отношения, нужно прежде всего прислушаться к собеседнику, понять его логику, культурную основу, а не приписывать ему то, что думаешь о нём сам. Иначе общение превращается в обмен штампами, в навешивание ярлыков, а политика – в разговор глухих.

Понимаете, конечно, мы же видим, проявляют интерес к каким-то самобытным культурам самых разных народов. Внешне всё красиво: и музыка, и фольклор как бы приподнимаются. Но, по сути, политика в сфере экономики и безопасности остаётся прежней – неоколониальной.

Посмотрите, как работает Всемирная торговая организация – ничего не решает, потому что все западные страны, основные экономики всё блокируют. Всё только в своих интересах, чтобы возобновить и постоянно тиражировать одно и то же, что было десятилетиями и столетиями раньше, держать всех в узде – вот и всё.

Надо не забывать, что все равны в том смысле, что все имеют право на своё видение, которое не лучше и не хуже других, оно просто своё, и нужно это по-настоящему уважать. Именно на этой базе формулируется взаимное понимание интересов, уважение, эмпатия, то есть способность сопереживать, чувствовать проблемы других, способность воспринять чужую точку зрения и аргументы. И не только воспринять, но и действовать в соответствии с этим, выстраивать свою собственную политику в соответствии с этим. Воспринимать не значит принять и во всём согласиться. Это, конечно, не так. Это прежде всего значит признать право собеседника на собственное мировоззрение. По сути, это первый необходимый шаг к тому, чтобы начать находить гармонию этих мировоззрений. Различие, разнообразие надо научиться воспринимать как богатство и возможности, а не как повод к конфликту. В этом тоже состоит диалектика истории.

Мы с вами понимаем, что эпоха кардинальных трансформаций – это время неизбежных потрясений, к сожалению, столкновения интересов, своего рода новой притирки друг к другу. При этом связанность мира необязательно смягчает противоречия. Конечно, это тоже правда. И может, напротив, отягощать иногда, делать отношения ещё более запутанными, а поиск выхода – гораздо более сложным.

За столетия своей истории человечество привыкло, что предельный способ разрешения противоречий – выяснение отношений при помощи силы. Да, такое тоже бывает. Кто сильнее, тот и прав. И этот принцип тоже работает. Да, бывает такое нередко, странам приходится защищать свои интересы вооружённым путём, отстаивать их всеми доступными средствами.

Но современный мир комплексный и сложный, он становится всё сложнее и сложнее. Решая какую-то одну проблему, применение силы создаёт, конечно, другие, зачастую ещё более

тяжёлые. И мы это также понимаем. Наша страна никогда не выступала и не выступает инициатором применения силы. Нам приходится это делать только тогда, когда становится понятно, что оппонент ведёт себя агрессивно, не воспринимает никаких, абсолютно никаких аргументов. И когда это необходимо, мы, конечно, будем принимать все меры для защиты России и каждого её гражданина и всегда будем добиваться своих целей.

Мир совсем не линеен и внутренне неоднороден. Мы всегда это понимали и понимаем. Не хотел бы сегодня предаваться воспоминаниям, но хорошо помню, как в 1999 году, когда возглавил Правительство, а потом стал главой государства, с чем мы сталкивались тогда. Думаю, что российские граждане, специалисты, которые в этом зале находятся, тоже хорошо помнят, какие силы стояли за террористами на Северном Кавказе, откуда и в каких объёмах они получали оружие, деньги, моральную, политическую, идеологическую, информационную поддержку.

Даже смешно вспоминать, и грустно, и смешно, как говорили: это же «Аль-Каида»; «Аль-Каида», вообще, плохо, но когда против вас воюет, то ничего. Что это такое? Всё это и ведёт к конфликту. Тогда мы ставили перед собой цель – всё время, сколько отпущено, все силы использовать для сохранения страны. Конечно, это было в интересах всех народов России. Несмотря на тяжелейшее экономическое положение после кризиса 1998 года и разрухи в армии, надо прямо об этом сказать, мы все вместе, именно всей страной отразили атаку террористов, затем и разгромили их.

Я почему вспомнил об этом? Потому что снова кое у кого возникла мысль, что мир без России будет лучше. Тогда старались закончить с Россией, доразвалить всё, что осталось после развала Советского Союза, и сейчас, похоже, тоже кто-то об этом мечтает. Думают, что мир будет послушнее, будет лучше управляться. Но Россия не раз останавливала тех, кто рвался к мировому господству, кто бы это ни делал. Так будет и впредь. Да и мир-то лучше не станет. Те, кто пытается это сделать, должны это в конце концов понять. Сложнее только будет.

Наши оппоненты находят всё новые способы и инструменты, пытаясь от нас избавиться. Теперь в качестве такого инструмента используют Украину, украинцев, которых попросту цинично натаскивают на русских, превращая их, по сути, в пушечное мясо. И всё это под аккомпанемент разговора о европейском выборе. Ничего себе выбор! Нам точно такого не нужно. Мы защитим себя, наших людей – пусть ни у кого не будет на этот счёт никаких иллюзий.

Но роль России этим, конечно, не исчерпывается, чтобы себя только защищать и сохранять. Может, это прозвучит несколько пафосно, но само существование России – гарантия того, что мир сохранит свою многоцветность, многообразие, сложность, и это залог успешного развития. И сейчас могу вам сказать, что это не мои слова, это мне часто очень говорят наши друзья из всех регионов мира. Я ничего не преувеличиваю. Повторю: мы никому ничего не навязываем и не будем этого никогда делать. Нам самим это незачем, и никому это не нужно. Мы руководствуемся своими ценностями, интересами и представлениями о должном, которые укоренены в нашей идентичности, истории и культуре. И конечно, мы всегда готовы к конструктивному диалогу со всеми.

Тот, кто уважает свою культуру и традиции, не имеет права не относиться с таким же уважением к другим. А тот, кто пытается заставлять других вести себя неподобающим образом, неизменно втаптывает в грязь и собственные корни, свою цивилизацию и культуру, что мы отчасти и наблюдаем.

Россия сегодня борется за свою свободу, за свои права, свой суверенитет. Я без преувеличения так говорю, потому что на протяжении предыдущих десятилетий вроде как внешне всё благоприятно, благопристойно выглядело: из «семёрки» сделали «восьмёрку» – спасибо нас пригласили.

Вы знаете, что происходило? Я же видел: приезжаешь на ту же самую «восьмёрку», сразу становится ясно, что до встречи в рамках «восьмёрки» уже собралась «семёрочка» и между собой что-то пообсуждали, в том числе в отношении России, а потом приглашают Россию. Смотришь на это с улыбкой, смотрел всегда. И красиво обнимают, и по плечу похлопают. А на практике делают всё наоборот. И всё наступают, наступают и наступают. Наиболее зримо это смотрится в

контексте расширения НАТО на восток. Обещали, что не будут, а всё делают и делают. И на Кавказе, и эта система противоракетной обороны – всё, по любому ключевому вопросу просто плевать хотели на наше мнение. Это в конечном итоге всё вместе стало выглядеть как ползучая интервенция, которая без всякого преувеличения направлена была бы на какое-то принижение, а лучше – на разрушение страны: или изнутри, или извне.

Добрались в конце концов до Украины, туда влезли и с базами, и с НАТО. 2008 год: приняли решение в Бухаресте о том, чтобы открыть двери для Украины и Грузии в НАТО. С какого, извините за простоту выражения, с какого перепугу? Там были какие-то сложности, что ли, в мировых делах? Да, спорили мы с Украиной по ценам на газ, но всё равно решали. В чём проблема? Зачем надо было это делать – просто создавать условие для конфликта? Понятно же было, к чему это приведёт. Нет, всё равно – и дальше, и дальше, и дальше: освоение наших исторических территорий пошло, поддержка режима с явным неонацистским уклоном.

Поэтому можно смело сказать и повторить: мы не только за свою свободу боремся, не только за свои права, не только за свой суверенитет, а защищаем всеобщие права и свободы, возможности для существования и развития абсолютного большинства государств. В этом в известной степени мы видим и миссию нашей страны. Всем должно быть понятно: давить на нас бесполезно, а вот договариваться с полным учётом взаимных законных интересов мы всегда готовы. К этому призывали и призываем всех участников международного общения. И тогда можно не сомневаться, что будущие гости заседания Валдайского клуба, сегодня пока ещё, может быть, школьники, студенты, аспиранты или молодые учёные, начинающие эксперты, через следующие 20 лет, накануне 100-летия Организации Объединённых Наций будут обсуждать гораздо более оптимистические и жизнеутверждающие сюжеты, чем те, которые нам приходится обсуждать сегодня.

Большое спасибо вам за внимание.

* * *

Ф.Лукьянов: Большое спасибо, Владимир Владимирович, за такое обширное, объёмное описание и мира, и российских взглядов на него. Нам, конечно, особенно приятно, что и в прошлом году Вы изложили основные принципы именно у нас, а в этот раз их развили.

Мне кажется, это уже начинает тянуть на такую доктрину. «Валдай», конечно, не претендует на то, чтобы её назвали нашим именем, но приятно, что здесь она рождается.

Владимир Владимирович, мы многие темы, которые Вы затронули, обсуждали, конечно, на ХХI конференции. И я хотел бы поделиться с Вами, мы хотели бы все поделиться некоторыми умозаключениями – не со всех, конечно, сессий, потому что их очень много было, тем не менее которые [звучали] на тех, которые нам показались наиболее важными. Это тоже тема, которую Вы упоминали.

Я хотел бы просить начать нашего давнего участника, коллегу и Вам хорошо известного Руслана Юнусова. Он у нас участвовал в сессии про – извините – искусственный интеллект, самое модное.

Р.Юнусов: Добрый вечер, Владимир Владимирович!

Действительно, мы обсуждали то, что Вы затронули в сегодняшней речи, – тему искусственного интеллекта. Была отдельная сессия на нашей конференции, она называлась «Искусственный интеллект – революция или мода?»

Но прежде чем я перейду к результатам этой сессии, я бы подчеркнул такой уникальный факт, который в этом году произошёл: сразу две Нобелевские премии были выданы за достижения в искусственном интеллекте. Это премии по физике и по химии одновременно – такого никогда не было. И подчёркивает ли это, что происходит революция в области искусственного интеллекта? Наверное, скорее да, чем нет, хотя нобелевский комитет частенько руководствуется и модой в принятии своих решений.

Переходя к тематике уже нашей дискуссии, валдайской дискуссии, я подчеркну несколько аспектов, которые мы обсудили.

Начали мы с того вопроса, который многих беспокоит. А вот придёт искусственный интеллект, и заменит он человека или нет? И особенно в тех областях, где требуется творческий подход, например, наука и искусство. И что мы видим в науке сегодня? Действительно, искусственный интеллект уже вошёл в научный процесс. Многие достижения достигнуты благодаря и с помощью искусственного интеллекта. Но при этом мы также видим одновременно, что вытеснения человека не происходит из научного процесса, скорее, сам прогресс ускоряется, а новые кадры, квалифицированные молодые ребята нужны ещё больше, так что здесь пока мы риска не видим. Также мы обсудили аспекты экономики искусственного интеллекта. В своё время, во время ковида, в 2020 году примерно, были ожидания, что выход из мировой рецессии будет обеспечен в первую очередь за счёт драйвера, такого драйвера, как искусственный интеллект.

Мы обсуждали, сбылись ли предсказания или нет. Да, конечно, искусственный интеллект уже начал внедряться в экономику, в разные сектора экономики. Но если посмотреть на цифры, то окажется, что те самые оптимистичные ожидания не сбылись. Получилось немного более консервативно на сегодня. И более того, эти ожидания продолжают быть сегодня. И мы видим формирование пузырей на инвестиционном рынке, что грозит в будущем отрицательными экономическими эффектами. Хотя сам по себе искусственный интеллект как технология, похоже, будет и дальше развиваться и будет основой экономики.

Опять же мы обсуждали вопросы безопасности. Сегодня нельзя не отметить, что террористические, экстремистские организации всю используют технологии искусственного интеллекта при вербовке новых членов или в более широких аспектах пропаганды. Фейковые новости, видео являются сейчас стандартным инструментом таких группировок.

Но, с другой стороны, существует и использование искусственного интеллекта в контртеррористической, в контрэкстремистской деятельности, когда можно выявлять эти самые экстремистские элементы в обществе. Но, более того, можно влиять на сомневающуюся часть общества и отвлечь её от этих шагов, чтобы она не переходила на сторону экстремизма. Это тоже работает.

Когда мы обсуждали, каков баланс, что больше, позитива или негатива, похоже, что позитивных явлений искусственного интеллекта в области безопасности всё-таки больше, и хотелось бы, чтобы и дальше этот баланс был в стороне позитива.

И, конечно же, на Валдайском форуме нельзя не обсудить политический вопрос искусственного интеллекта. Были исследования, которые показали, когда исследователи провели основные модели искусственного интеллекта, генеративные модели через тестирование на политические взгляды. Оказалось, что искусственный интеллект не является нейтральным. У него сильно перекошены политические взгляды в сторону леволиберализма и во многом связаны со взглядами их [моделей] создателей.

Более того, в последние пару лет мы видим, что обучение искусственного интеллекта идёт с помощью синтетических данных больше, чем из фактического, реального материала, и это также способствует тому, что взгляды этих моделей будут более радикальными.

В ближайшие пару лет мы получим первых выпускников вузов, которые в своей деятельности, в обучении используют искусственный интеллект. Раньше, если мы брали курсовые, рефераты, то ребята относились к первоисточникам, осмысливали их, проводили работу. Сейчас можно просто сделать запрос искусственному интеллекту, и у тебя будет готов результат. Понятно, что качество обучения упадёт. Но гораздо опаснее, на наш взгляд, влияние, которое исподволь оказывает искусственный интеллект, формируя мировоззрение молодых ребят, внедряя идеологию в их головы. Причём эта идеология формируется во многом не в нашей стране, а за рубежом или даже за океаном.

И здесь, как вывод, мы, конечно, понимаем, что необходимо усиливать контроль регулирования искусственного интеллекта, но при этом, если руководствоваться запретительными мерами, похоже, результата не добиться. Скорее, нужно поддерживать и развивать отечественные технологии искусственного интеллекта.

Хорошо, что у нас сегодня большой задел сформирован и большой прогресс, мы видим, существует. Надо его дальше продолжать. Это, наверное, будет основой технологического суверенитета в этой области.

Здесь надо отметить, что Россия является одной из трёх стран в мире, у кого есть полный стек IT-технологий, это действительно основа суверенитета.

И завершая мой короткий доклад: наши иностранные гости отмечали, что в некоторых странах уже сегодня есть ограничения, даже полный запрет на использование технологий искусственного интеллекта. Для нас, для России, это, скорее, возможность. Мы можем проявить себя как технологический лидер, показать себя в этой роли, экспортируя технологии искусственного интеллекта в наши страны-партнёры.

Спасибо большое.

В.Путин: Если позволите, я два слова тоже скажу.

Первое. Конечно, искусственный интеллект – это важнейший инструмент развития. И один из наших приоритетов прежде всего, конечно, в сфере экономики, но не только, и в других областях, в использовании больших данных, – это развитие искусственного интеллекта. С учётом того что у нас большой дефицит рабочих рук, безработица минимальная – 2,4 процента, это, считай, дефицит у нас, дефицит рабочих рук, и в будущем, конечно, видим решение этих проблем, проблем в сфере экономики на пути развития современных технологий, из которых использование искусственного интеллекта – одно из главнейших, важнейших направлений.

Чего здесь больше – плюсов или минусов? Освоение ядерной энергии – здесь больше плюсов или минусов? Использование мирного атома, атомной энергетики в медицине, в сельском хозяйстве, в транспорте – огромную, важнейшую роль играет, и роль будет возрастать только, я уверен, особенно с учётом проблем климатических изменений.

Но в то же время есть ядерное оружие. Это большие угрозы создаёт для человечества. То же самое, абсолютно то же самое и в искусственном интеллекте. Вопрос: как это регулируется и как люди это используют? Вопрос: как регулируется? Конечно, во многих странах, во многих странах это регулируется. Во многих странах, в некоторых, как Вы говорите, запрещают. Запрещать, мне кажется, невозможно. Но всё равно это найдёт себе дорогу, особенно в условиях конкуренции. Конкуренция возрастает. Я сейчас не говорю про вооружённое противостояние, но в целом в экономике конкуренция нарастает. Поэтому в условиях конкурентной борьбы неизбежно развитие искусственного интеллекта. И здесь мы, конечно, можем быть в числе лидеров, имея в виду определённые преимущества, которые у нас есть.

Что касается суверенитета – важная составляющая. Конечно, эти платформы, они чаще всего формируются за рубежом, а они формируют мировоззрение, совершенно верно. И здесь мы должны понимать это и развивать свой, суверенный искусственный интеллект. Конечно, нужно пользоваться всем, что есть, но нужно развивать и свои направления здесь.

У нас «Сбер», «Яндекс» активно над этим работают и в целом работают весьма успешно. Мы, безусловно, будем это всё делать, это вне всяких сомнений, особенно там, где он уже сам себя воспроизводит – это очень интересно и очень перспективно.

Но здесь есть и свои угрозы, конечно. Мы должны видеть, понимать эти угрозы и соответствующим образом выстраивать свою работу. Как я уже сказал, это одно из важнейших направлений нашей совместной деятельности. Когда я говорю «нашей», имею в виду и

государство, и специалистов в этой области, и все общество. Потому что здесь, конечно, возникает очень много морально-нравственных вопросов. Обязательно на это нужно обращать внимание.

Вы сказали, что взгляды радикальные формируются и так далее. Да, мы своевременно просто должны этому противопоставить свое мировоззрение, свою точку зрения на все процессы, которые и у нас в обществе происходят, и в мире. Вот этим вместе будем заниматься.

Вам спасибо, что Вы обратили на это внимание.

Р.Юнусов: Спасибо большое. Будем и дальше анализировать, что происходит.

В.Путин: Обязательно.

Р.Юнусов: И действительно, искусственный интеллект в России должен обучаться на российских данных, чтобы отражать нашу культуру в конце концов.

В.Путин: Абсолютно. И у нас есть такая возможность, точно совершенно, это очевидно. Уверен, что у нас всё получится, и это будет хорошей поддержкой в нашем развитии, огромную выгоду нам составит.

Спасибо.

Р.Юнусов: Спасибо.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, суверенный искусственный интеллект, когда у нас будет, он нам сможет русскую идею для XXI века предложить?

В.Путин: Он нам может только помочь решать те задачи, которые перед нами стоят, и очень важно, как мы их формулируем.

Поскольку он работает тоже с большими данными, здесь у нас есть все возможности: и интеллектуальные возможности, и технологические, и большое количество свободной энергии есть. Здесь есть над чем нам вместе поработать, думаю, что и над такими вопросами, как Вы сейчас сказали, философскими, фундаментальными.

Надо всё привлекать. А наше уже дело с вами – верить этому или не верить, когда мы получаем результаты исследований, основанных на современных принципах и с использованием в том числе искусственного интеллекта.

Ф.Лукьянов: Спасибо.

Смежная тема, конечно, у нас обсуждалась: где искусственный интеллект и цифровизация, там и информация и всё то, что с ней сейчас происходит, а происходит очень многое тоже – и плюсы, и минусы во всём.

Наш индийский коллега Арвинд Гупта участвовал в этой сессии. Прошу Вас.

А.Гупта (как переведено): Спасибо.

Меня зовут Арвинд Гупта.

Господин Президент, я из Индии. Я работаю на стыке технологий общества и построения цифровой общественной инфраструктуры для проблем работы с информацией.

Спасибо, господин Президент, Вы уже говорили о некоторых вопросах, которые поднимал мой коллега Руслан, по поводу искусственного интеллекта. Благодарю Вас, что заслушали наше резюме. Наша экспертная панель обсуждала вопросы, которые связаны в том числе с искусственным интеллектом. В конце я упомяну это.

Что касается манипуляций с информацией, использования данных технологий для ведения надзора и отсутствия прозрачности во всех системах и технологий сегодня: господин Президент, наша группа обсуждала и говорила, что интернет был создан около 45 лет назад, для того чтобы быть глобальным общественным благом.

К сожалению, сейчас, как и во многих других вещах, он стал однополярным. Он контролируется несколькими технологическими гигантами с конкретными идеологическими подходами. Некоторые эти фирмы, большие технологические гиганты, не могут действовать в таких странах, как Индонезия, Индия, Россия и многих других из-за правил по манипуляции с информацией, надзором и слежением.

Второй вопрос, который мы обсуждали, – это алгоритмы. Опять же мы обсуждали это ранее, в том числе во время сессии об искусственном интеллекте. Они действительно определяют то, как мы мыслим. Искусственный интеллект на деле становится модным словом, но алгоритмы существовали долгое время. Они действительно определяют наше мышление, наше потребление, как мы избираем правительство.

Многие из нас согласились, что у них есть идеологические склонности, и, конечно, они не нейтральны: у них есть предубеждения. То, что мы обсуждали, – это вепонизация, использование в качестве оружия информации и данных. Это вместе с предубеждениями конкретных платформ даёт некоторым национальным государствам огромную власть. Они могут влиять на национальную безопасность, демократию и общественный порядок в целом. Так что, господин Президент, Вы знаете, что это было способом действия западных технологических платформ.

Но Индия предлагает альтернативную модель. Она была представлена во время председательства в «большой двадцатке». Это общественная платформа, наша платформа, которая принимает во внимание нужды общества. Это платформа, растущая снизу вверх, отталкивающаяся от общих систем идентичности, общих систем платежа. Она используется более чем миллиардом человек в Индии, и более 20 других стран также её используют.

Хочу представить Вам, каким образом Индия создала другое видение для развития технологий, отличное от западного видения, которое существует сегодня. Господин Президент, хочу поздравить Россию с успешностью платёжной системы «Мир». За очень короткое время это стало успехом. Это также показало силу технологического суверенитета, который только что упоминался, – что при необходимости можно добиться успеха.

Господин Президент, вопрос, который Вы только что обсуждали, то, что я говорил про предубеждения технологий и технологических платформ и их ненейтральную природу, с чем мы сталкиваемся, – это эра искусственного интеллекта.

Учитывая то, что мы позволили нескольким большим компаниям контролировать интернет, каким образом мы можем сделать так, что наша культура, наше общество, наши национальные интересы окажутся защищёнными в эту эпоху искусственного интеллекта? Какие нормы поддержки нам нужны с самого начала для того, чтобы добиться честного и справедливого искусственного интеллекта? Как нам обеспечить, чтобы государства-единомышленники работали для борьбы с использованием искусственного интеллекта в качестве оружия?

И наконец, господин Президент, как Вы знаете, нам было бы интересно услышать от Вас, как нам укрепить доверие к той информации, которую мы видим сегодня в целом в технологиях, как усилить доверие к ней.

Это был самый важный вопрос наших дебатов. Надеюсь на Ваш ответ.

Спасибо.

В.Путин: Очень важная тема, она сродни, конечно, и предыдущему вопросу – искусственному интеллекту, его использованию и развитию. И здесь несколько аспектов.

Во-первых, использование интернета, конечно, должно быть основано на суверенных алгоритмах, к этому надо стремиться. Первое.

Второе. Нам очень сложно со стороны государства – то есть можно, но это будет отчасти контрпродуктивно – всё запрещать, именно со стороны государства. В России профессиональное сообщество пришло к необходимости и приняло решение о правилах ведения этого бизнеса,

интернета как бизнеса. И взяло на себя – самостоятельно – определённые самоограничения, особенно связанные с каким-то возможным деструктивным влиянием на общество в целом, особенно на детскую аудиторию. Мне кажется, что это один из способов обеспечить интересы большинства людей и общества в целом.

Конечно, интернет должен подчиняться внутреннему законодательству той страны, где идёт работа в этой сфере. Это очевидная вещь.

То, что мы видим, манипуляцию информацией, – к сожалению, да, это происходит. Но повторяю ещё раз: если деятельность интернета будет подчинена и поставлена под внутренние законы, должна будет быть подчинена внутреннему законодательству, то мы таким образом минимизируем возможные негативные последствия.

Понимаю, что есть технологические ограничения, технологические сложности, для того чтобы всё это реализовать. Но если встать на путь этой работы, связанной с самим профессиональным сообществом, которое видит, где возможно создание угроз для общества в целом, оно самостоятельно и работает над купированием этих угроз, а государство, конечно, должно быть рядышком.

Для таких стран, как Индия, как Россия, эта задача вполне решаемая, потому что у нас с вами очень хорошие специалисты, очень хорошие математические школы, и есть люди, которые уже сами являются лидерами, если не их компании, то они сами точно совершенно являются лидерами в этой сфере деятельности. У нас все карты в руках, особенно, повторяю ещё раз, в таких странах, как Индия или Россия.

Что касается платёжной системы «Мир», то да, это в известной степени успех. Она работает, работает хорошо, уверенно. Она работала бы ещё лучше, ещё шире, если бы не создавали искусственных препятствий для её развития. Но даже несмотря на то, что эти препятствия создаются, она развивается, и мы будем тиражировать успех подобного рода.

А тема интернета вечная, на мой взгляд, уже стала вечной. Вы сказали, что он создавался для того, чтобы он был использован в интересах человечества. Он создавался, конечно, для других целей, но в какой-то момент его предназначение категорическим образом изменилось. И нужно, чтобы деятельность в интернете, так же как любая человеческая деятельность, подчинялась морально-нравственным законам и юридическим законам тех государств, где эта система функционирует.

Повторяю ещё раз: технологически это не всегда просто сделать, но к этому, безусловно, надо стремиться. Общество должно оградить себя от деструктивного влияния, но сделать всё для того, чтобы всё-таки обмен информацией был свободным и чтобы это шло на благо развития того или иного государства да и всего международного сообщества в целом.

Мы у себя, в России, будем к этому стремиться. Я знаю, что и Индия идёт по этому же пути. Будем рады с вами сотрудничать в этом направлении.

Спасибо, что Вы вообще обратили на это внимание. С другой стороны, не обратить на это внимание и не заниматься этим невозможно. Я Вам желаю всяческих успехов.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, Вы сами интернетом пользуетесь?

В.Путин: Знаете, очень примитивным образом – иногда нажимаю несколько кнопок, чтобы кое-что посмотреть.

Ф.Лукьянов: Но всё-таки доводится, да?

В.Путин: Да.

Ф.Лукьянов: Нашими поисковыми системами?

В.Путин: Вашими, вашими.

Ф.Лукьянов: Прекрасно. Спасибо, это утешает. (Смех.)

Мы подробнейшим образом обсуждали окружающую среду, состояние мира с точки зрения климата и так далее. Попрошу нашего доброго товарища Расигана Махараджа из Южной Африки рассказать.

Р.Махарадж (как переведено): Спасибо большое, господин Президент. Благодарю Вас за рассказ о том, что диалектика истории по-прежнему работает и действует.

Экологические вопросы, как Вы сказали, не могут быть решены без решения проблемы мирового неравенства.

Всемирная метеорологическая организация – это мировая организация, занимающаяся погодой, – недавно сообщила о том, что антропогенное изменение климата ведёт к быстрым переменам в атмосфере, гидросфере, биосфере, криосфере. 2023 год оказался теплейшим [в истории] наблюдений, а также самым насыщенным с точки зрения чрезвычайных погодных явлений.

Этот тренд сохранился в 2024 году, и он сохранится, согласно Всемирной метеорологической организации. Научные данные неопровержимы.

Мы далеки от достижения важнейших целей по климату. Изменения климата обращают вспять достижения в области развития, угрожают многим людям. Мы видим рекордные выбросы парниковых газов. Мы видим также большое отставание от амбициозных целей в плане достижения целей по парниковым газам.

Во многом современная система сформирована в эпоху колониализма, и, как Вы говорили в Вашей речи, во многом это система базировалась на неравном обмене между Глобальным Севером и Глобальным Югом, или, как можно перефразировать, между глобальным меньшинством и глобальным большинством.

Коллеги в Лондонской школе [экономики] отметили, что Глобальный Север извлекает огромные ресурсы, которые стоили в 2015 году 10,5 триллиона долларов. Эта сумма извлекаемых им ресурсов могла бы уже давным-давно решить проблему мировой бедности.

За последние годы мы наблюдаем примерно 250 триллионов долларов оттока из Глобального Юга на Глобальный Север. Мы видим, что неравный обмен – это значительный драйвер неравномерного развития, а также неравенства в экономике. Конечно, национально-освободительное движение поставило под сомнение систему колониализма, однако институциональные механизмы, которые были созданы после Второй мировой войны, после Великой Отечественной войны, тем не менее позволили сохранить Глобальному Северу лидерство, гегемонию. Пандемия ковида выявила и ярко подсветила институциональные неравенства в этой системе. Как Вы говорили, никто не будет чувствовать безопасности, пока мы все не будем себя чувствовать в безопасности.

Наши коллективные научные, технологические компетенции создали решения, которые помогли нам спасти жизни людей. Но в то же время мы вновь видим попытки превратить в оружие интеллектуальную собственность путём введения ограничений на обмен знаниями, а также обмен технологиями. Необходимо коллективно противостоять таким попыткам. Все страны должны стремиться к углублению сотрудничества и расширению взаимодействия, для того чтобы ускорить обмен знаниями, обеспечить справедливый переток такого знания и обеспечить переход от экстрактивной эксплуатации к реформированию международных институтов. Такие усилия по реформированию международных институтов необходимы, потому что они сохраняют предыдущие системы. Однако эти реформы, к сожалению, пробуксовывают, вызывают отчаяние.

В то же время был проведён успешный саммит БРИКС в Казани. Тогда Генеральный секретарь ООН сам говорил о том, что существующая финансовая архитектура несправедлива и неэффективна. Совсем недавно об этом также говорили в Германии на глобальном политическом форуме. Там говорилось о том, что международные финансовые учреждения не сумели предотвратить и смягчить кризисы, не смогли они также и привлечь достаточные ресурсы для того, чтобы достичь международной согласованной цели в области развития.

Необходимо вместе работать для того, чтобы снизить такое неравенство. Необходимо создавать системы, которые будут способствовать обмену знаниями, обеспечивать равные возможности для развития всех и каждого, поскольку, если мы не сумеем добиться этого, наше выживание находится под угрозой. Наша риторика должна быть подкреплена конкретными действиями.

Необходимы также ресурсы, которые были бы направлены на помощь странам, которые сталкиваются с ухудшением состояния окружающей среды, изменением климата, а также другими проблемами, обусловленными изменением климата. Более того, такая трансформация способствовала бы установлению мира во всём мире.

Спасибо.

В.Путин: Конечно, то, чем Вы занимались сейчас в беседах, в дискуссиях со своими коллегами здесь, на Валдайском клубе, – это одно из важнейших направлений исследований для человечества. Это очевидно. Сейчас не будем вдаваться в детали, не будем дискутировать по поводу того, что происходит, из-за чего.

То есть что происходит, понятно, – изменение климата, глобальное потепление. Из-за чего это происходит? Из-за деятельности человека либо какие-то другие факторы влияют, вплоть до глобального космоса, или что-то с Землёй происходит периодически, и мы не очень понимаем что. Но изменения очевидны, они происходят – это факт. И было бы беспечно вообще ничего не делать, с этим не поспоришь.

А мы в России знаем это не понаслышке, потому что у нас потепление идёт быстрее, чем во всех других регионах мира. У нас за 10 лет потепление произошло на 0,5 градуса плюс, а в Арктике ещё быстрее – 0,7 плюс. Для нас это очевидная вещь. Для страны, 60 процентов территории которой находится в зоне вечной мерзлоты, это имеет практические последствия. У нас целые города на территориях вечной мерзлоты стоят, посёлки и так далее, производства развёрнуты. Это очень серьёзное дело для нас и будет иметь серьёзные последствия. Поэтому мы-то знаем, что это такое.

И у нас, кстати говоря, одна из самых «зелёных» энергетик в мире. У нас в структуре энергетики 40 процентов составляет газовая генерация, ещё атомная генерация, гидрогенерация – в общем и целом 85 процентов низкоэмиссионной генерации в структуре российской экономики. Это одна из самых «зелёных» структур в мире. Да ещё, по-моему, процентов 20 мировых лесов у нас находится, поглощающее значение если учесть.

Мы думаем над этим, у нас есть планы, мы их опубликовали давно, сказали об этом публично, к какому году мы будем добиваться снижения антропогенных выбросов. И, безусловно, будем это делать.

Кстати говоря, те, кто больше всего шумел на этот счёт, действуют, к сожалению для всех и для них, наверное, тоже, в совершенно обратном направлении.

Допустим, угольная генерация в Европе резко увеличилась. Совсем недавно все шумели в Европе по поводу того, что нужно закрывать угольную генерацию. Сейчас не только не закрыли, а увеличили её. Странно просто, но факт. Тоже по каким-то надуманным политическим соображениям. Но это уже отдельная тема.

По поводу искусственных барьеров для развития развивающихся экономик, связанных с экологической повесткой. Да, вот эти так называемые «зелёные» барьеры, которые некоторые страны начинают создавать для развивающихся государств, для развивающихся рынков, – просто новый инструмент они придумали для того, чтобы сдерживать развитие.

Пожалуйста, если все так озабочены – и искренне озабочены – изменениями климата, о чём мы, конечно, должны думать, тогда обеспечьте тем странам, которые тоже готовы работать в этой сфере, обеспечьте им источники финансирования и технологии, для того чтобы они могли

спокойно, безубыточно переходить на эти новые технологии. А иначе что, они должны тащиться в хвосте прогресса?

И справедливо некоторые говорят: ну вы-то, те, кто от нас требует сегодня немедленного перехода на новые технологии, вы-то использовали все источники энергии ранее, вы загрязнили всё здесь, всю атмосферу, а теперь от нас требуете, чтобы мы немедленно перескочили в новые уровни генерации. Как же мы можем это сделать? Или мы должны тратить все последние наши ресурсы на новые технологии, которые должны у вас и закупать, и вам платить опять же за это? Это тоже один из инструментов какого-то неоколониализма.

Дайте возможность людям жить нормально, развиваться, если вы так действительно, искренне считаете, что все вместе должны мы об этом заботиться. Источники финансирования, пожалуйста, обеспечьте и технологии передавайте, а не ограничивайте эти технологии. Я с Вами полностью согласен, если в Вашем выступлении намёк был именно на это. Ну а как иначе-то, я не понимаю просто.

То же самое касается и финансов. Действительно, я уже говорил, по данным наших экспертов, а я им полностью доверяю, только на том, что доллар является мировой валютой, Соединённые Штаты за последние десять лет получили просто так, из воздуха, 12 триллионов долларов. Просто так, за счёт того, что имитируют, раздают, потом эти же деньги поступают, как правило, в их банки, в их финансовую систему – и там ещё стригут купоны, получают от этого выигрыш. Это счётная позиция, просто так, с неба сваливаются эти деньги. И это, конечно, тоже все должны учитывать.

Если эти деньги за счёт эмиссии существуют, получают доход вот так просто сверху – вот источник финансирования, в том числе и экологической повестки. Дайте, поделитесь тогда этим доходом, который с неба вам свалился, если вы так обеспокоены экологической ситуацией. Если у Вас был намёк на это, Вы абсолютно правы, здесь трудно с этим не согласиться. Так и надо делать.

Пожалуй, в этом и состоит мой комментарий. Здесь добавить нечего. То есть добавить ещё много чего есть, но это самое главное.

Спасибо.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, а Вас Президент [Азербайджана Ильхам] Алиев случайно не звал на конференцию по климату на следующей неделе?

В.Путин: Звал.

Ф.Лукьянов: Поедете?

В.Путин: Я был там не так давно, и Президент Алиев, мы с ним договорились, что Россия будет представлена на высоком уровне, участие в этом мероприятии примет Председатель Правительства Российской Федерации Мишустин Михаил Владимирович.

Ф.Лукьянов: Прекрасно.

Плавню перетекаем к теме, которая нас всех волнует, потому что мы всё-таки в основном международники. Вами же высказана идея евразийской безопасности. Мы посвятили этому много дискуссий, и валдайский доклад во многом в этом году об этом, и сессия была очень интересной.

Я хочу попросить нашего друга Гленна Дисэна из Норвегии изложить основные выводы.

Г.Дисэн (как переведено): Спасибо, господин Президент.

Меня зовут Гленн Дисэн, я профессор политической экономики из Норвегии.

Наша сессия была посвящена евразийской безопасности. Я хотел бы остановиться на трёх основных выводах.

Во-первых, источник конфликта в настоящий момент, по всей видимости, – это конфликт между однополярным и многополярным мирами. Во многом это новый феномен в международных отношениях.

В XIX веке Великобритания была ведущей морской державой, которая противостояла сухопутной державе – Российской империи. В XX веке это было противостояние морской державы США против сухопутной державы СССР. Сейчас, в XXI веке, у нас вновь есть ведущая морская держава – это США.

Однако на Евразийском континенте мы наблюдаем формирование многополярности, что создаёт многочисленные возможности. Крупнейшая экономика КНР не имеет возможности или даже не демонстрирует желание доминировать на континенте. Вместо этого мы видим другие инициативы, направленные на создание многополярности в Евразии. То есть это конфликт между однополярной системой – США пытается восстановить такую систему – против многополярной системы. Мировое большинство, по всей видимости, предпочитает многополярность. Я думаю, во многом по этой причине БРИКС пользуется такой привлекательностью для многих стран.

Вместе с тем в рамках наших дискуссий мы обнаружили консенсус, обеспокоенность или по крайней мере желание сделать так, чтобы Евразия создала антигегемонистское движение, а не антизападное движение, потому что цель должна заключаться в гармонизации интересов. То есть мы должны сделать так, чтобы Евразия не превратилась в ещё один блок. Я думаю, что опять же это во многом объясняет успешность БРИКС, которая может служить инструментом преодоления блокового мышления.

Также Евразия настолько привлекательна, потому что это демонстрирует привлекательность, многовекторность внешней политики, когда можно диверсифицировать экономическую политику, взаимодействуя с разными полюсами силы. Необходимость, которую мы наблюдаем, – это обеспечить политическую независимость, независимость экономической политики, когда страны больше не являются просто зрителями в международных отношениях.

Именно поэтому многие страны не хотят выбирать какой-то один из конкурирующих блоков, вместо этого они стремятся к гармонизации интересов. Глобальное большинство стремится к евразийской многополярности, которая необходима для достижения подлинного многостороннего подхода. Это противостоит тому, что продвигает Вашингтон.

Наконец, многополярная Евразия имеет определённые стимулы для гармонизации интересов, потому что крупные державы в Евразии имеют иной формат для евразийской интеграции, у них разные интересы. Мы видим это также между Россией и Китаем, но и также, что никто из них не может добиться своих целей или формата интеграции без сотрудничества с другими центрами влияния. Это создаёт стимулы для гармонизации интересов. Похоже, что это действительно то, что сделало БРИКС столь успешной.

Я помню, 10 лет назад многие ожидали, что Центральная Азия станет источником столкновения между Россией и Китаем. Напротив, мы видим, что это территория взаимодействия. Это даёт оптимистичное настроение для других частей Евразии. Это кардинально отличается от союзов, которые обычно используются для продвижения однополярности.

Вы сами ссылались на имперские импульсы к разделению стран. В системе союзничества всегда ожидается какое-то разделение: между Россией, Индией и Китаем, между арабами, Ираном, между Европой и Россией – просто потому, что так проще разделять регион на зависимых союзников, тех, кто будет служить.

Поэтому в духе гармонизации интересов я хотел бы и задать вопрос, который исходил бы из предпосылок того, что в Европе не удалось создать взаимоприемлемый выход из холодной войны. Мне кажется, это стало источником многих напряжённостей. Принцип неделимой безопасности вместо этого привел к раздробленности, и увидели также расширение НАТО.

Итак, мой вопрос: евразийская многополярность могла бы представить новый формат взаимодействия между Россией и Европой? Задаю этот вопрос, потому что несколько лет назад была книжка, которая называлась «Европа как западный полуостров Большой Евразии». И действительно, может быть, есть такой путь вперёд?

Спасибо.

В.Путин: Я прошу прощения, извините, можете повторить то, что Вы говорили в конце? Вопрос сформулируйте ещё раз, пожалуйста.

Г.Дисэн (как переведено): Мой вопрос был такой. Он исходил из принципов, что по всей Евразии мы видели, что многие страны были способны преодолеть их противоречия, политические противоречия с помощью экономического взаимодействия. Например, договорённости, которые Китай продвигал между арабами и иранцами. Я думал о новом формате Большой Евразии, там, где Европа была бы частью этой Евразии. Есть ли какая-то возможность использовать БРИКС или другой институт, для того чтобы также подкрепить лучшие отношения между Россией и Европой, для того чтобы мы могли преодолеть эту блоковую политику в Европе, которую мы никогда не могли преодолеть после Второй мировой войны?

В.Путин: Вы знаете, после того как холодная война закончилась, в принципе был шанс преодолеть это блоковое мышление и саму блоковую политику. Повторю: после того как закончилась холодная война, был шанс преодолеть и блоковое мышление, и блоковую политику.

Но я уже говорил в своём выступлении, просто уверен, что Соединённым Штатам это было не нужно. Видимо, они испугались, что контроль за Европой будет ослаблен, хотели сохранить его и сохраняют, больше того, усилили контроль.

Мне думается, что это когда-то приведёт всё равно к ослаблению этой системы вассальной подчинённости. Я не вкладываю в то, что сейчас скажу, ничего плохого, я не хочу ни в чём никого обвинять, упрекать, боже упаси. Мы же видим, что многие европейские страны, практически все страны Европы – члены НАТО во вред своим интересам совершают действия, которые идут на пользу американской политике и американской экономике.

В США в некоторых штатах энергоносители стоят в три, в четыре, а то и в пять раз дешевле, чем в странах Евросоюза. Сознательно принимают решения в налоговой системе, снижают налог на прибыль, допустим, создают условия для перевода предприятий, целых предприятий или отраслей из Европы на территорию США. И некоторые переезжают.

Сначала это коснулось тех, которые непосредственно связаны с первичным источником энергии: это производство удобрений, стекольная промышленность, ещё некоторые другие производства. Они просто свернули свою деятельность, стало нерентабельно, перебираются туда.

На втором этапе передела так или иначе это связано с металлургической промышленностью, сейчас автомобильную промышленность затронуло.

Правительства сколько угодно могут сваливать на якобы неэффективную работу менеджмента той или иной компании, но это результат их политики прежде всего, правительственной политики, а потом уже в этих условиях менеджмент должен был что-то делать, чтобы спасти свои предприятия, рабочие места. Но не всегда это возможно.

Поэтому тот конфликт, участниками которого мы, к сожалению, являемся, он позволил Штатам добиться укрепления своей ведущей роли, мягко говоря. По сути, в такой полукOLONиальной зависимости страны оказались. Честно говоря, даже я этого не ожидал, но это их выбор.

То же самое с Японией происходит. Удивительно! Мы что плохого Японии сделали? Да ничего вообще, ни одного шага, ни одного слова. Они взяли и против нас санкции ввели. С какой стати? С какого перепуга?

Теперь вопрос возникает: а что с этим делать? Мы же ничего не делали. Здесь есть коллеги из Японии, наверное, вопросы будут какие-то.

С Европой ещё хуже. Я уже говорил, но я не откажу себе в удовольствии вспомнить разговор с бывшим Канцлером ФРГ Коелем в 1993 году, когда мне посчастливилось присутствовать при его разговоре с бывшим мэром Петербурга. Я тогда ещё не забыл немецкий язык и в качестве переводчика между ними функционировал. Он вообще отпустил переводчика, сказал: давай иди отдыхай. Я остался и переводил.

Для меня, в недавнем прошлом сотрудника внешней разведки Советского Союза, было удивительно слышать то, что он говорил. Честно говоря, я слушал, переводил и был, мягко говоря, очень удивлён, потому что всё-таки в моей голове ещё штампы были холодной войны, а я сотрудник разведки КГБ СССР.

Вдруг Коль начал говорить, что будущее Европы, если она хочет сохраниться в качестве независимого центра мировой цивилизации, должно быть только вместе с Россией, нужно объединять наши усилия. Я рот открыл. Он продолжал в таком же духе, говорил о том, как будет, по его мнению, развиваться ситуация на Американском континенте, куда и как будут выстраивать Соединённые Штаты свои усилия. Сейчас не буду воспроизводить, но ничего плохого про Штаты он не говорил, нет. Он просто как аналитик, как эксперт, даже не как бундесканцлер говорил, а как эксперт.

Но на самом деле 80, 85, 90 процентов того, что он говорил, то и происходит. Я сейчас именно это и наблюдаю, мы все это наблюдаем. Конечно, мы должны попытаться выстроить систему безопасности на Евразийском континенте. Он огромный, этот континент. И конечно, Европа может и, на мой взгляд, должна быть неотъемлемой частью этой системы.

Вы сказали о том, что КНР не имеет возможности и не хочет играть какую-то доминирующую роль. Вы сказали про Центральную Азию, я сейчас тоже скажу об этом. Мне кажется, здесь наверняка есть наши друзья из Китая. В философии китайцев нет такого, они не стремятся к доминированию. В этом весь фокус, в этом привлекательность той теории или того предложения, которое сформулировал Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин, – «Один пояс, один путь». Один пояс и один общий путь. Это не только китайский путь, это общий путь. Это как раз, во всяком случае в двусторонних отношениях, именно так и звучит, мы именно так и действуем – в интересах друг друга.

Что происходит в Центральной Азии? Все рассчитывали на какое-то столкновение или трение России и Китая в Центральной Азии. Нет. Там понимаете в чём дело? Это же страны с очень молодой государственностью, ещё с экономикой, которая требует серьёзного развития. Там демографические процессы нарастают: скажем, в Узбекистане каждый год плюс миллион человек. Плюс миллион, представляете? 27 или 28 миллионов уже население и плюс миллион каждый год. В Индии – плюс десять, как мне говорил мой друг, господин Премьер-министр Моди, но в Индии-то полтора миллиарда человек живет, а в Узбекистане – 37–38, скоро 40 миллионов, и каждый год миллионы. Это очень много. Там много проблем.

Если Китайская Народная Республика приходит, помогает этим экономикам, это значит, что как результат экономического сотрудничества стабилизируются и внутривнутриполитические процессы, стабилизируется государственность, Россия в этом только заинтересована. Мы хотим, чтобы там была стабильная обстановка и стабильное развитие. Это и в наших интересах. Поэтому там соперничества никакого нет, там сотрудничество есть. Это не мешает развитию наших традиционных связей с этим регионом мира. Страны Центральной Азии, которые столетиями входили в состав Российской империи, Советского Союза, не только помнят, они дорожат нашими особыми контактами, особыми связями. Это идёт только всем на пользу.

Если мы таким образом, создавая систему безопасности на Евразийском континенте, а сейчас опять, кстати говоря, я же вижу, я слышу, что в некоторых европейских странах происходит, что говорят, опять начали говорить о создании единой системы безопасности от Лиссабона до

Владивостока, опять возвратились к тому, о чём де Голль, по-моему, в своё время говорил. Он, правда, говорил «до Урала». Но на самом деле речь должна идти до Владивостока. Опять эти идеи возникли. Если наши коллеги вернутся к этому...

И самое главное, что Вы сказали, о чём я упомянул и что записано в документах ОБСЕ, чтобы безопасность одних не вступала в противоречие и не нарушала безопасность других. Вот это очень важно. Если мы это всё сделаем, если повысим, как Вы тоже упомянули, уровень доверия... Сейчас самая главная проблема на нашем Евразийском континенте, главное между Россией и европейскими странами – это дефицит доверия.

Можно как угодно ругать Россию, и, наверное, мы тоже допускаем много ошибок, но когда нам, слушайте, говорят, что мы пошли на подписание Минских соглашений по Украине только для того, чтобы дать возможность Украине перевооружиться и совсем не собирались мирным способом решать этот конфликт, о каком же доверии может идти речь? Вы что, ребята? Какое доверие? Вы прямо, публично заявили, что вы нас надули, соврали нам и обманули. А какое доверие? Но нам нужно вернуться к этой системе взаимного доверия постепенно. Не знаю, сейчас можно дискутировать здесь до утра, но это первый шаг к тому, чтобы создавать единую систему евразийской безопасности. Можно это сделать или нет?

Господин Коль, с воспоминаний о котором я начал, считал, что это не просто нужно, а абсолютно необходимо. Я разделяю такую точку зрения.

Ф.Лукиянов: Владимир Владимирович, а почему Вы думаете, что господин Коль был более искренним, чем госпожа Меркель, которую Вы потом упомянули, про минский процесс которая говорит?

В.Путин: Всё-таки знаете, мы сидели втроём – это ещё было в Бонне, правительство ФРГ находилось в Бонне, – и просто беседовали. А госпожа Меркель, которую Вы вспомнили, всё-таки говорила в условиях определённого общественного давления и в условиях кризиса. Это всё-таки разная ситуация. Коль спокойно рассуждал, просто в свободном режиме излагал свою точку зрения не только в отсутствие прессы – Меркель-то говорила на прессу и для прессы, а он говорил не для прессы, он даже переводчика своего убрал, понимаете? Поэтому я исхожу из того, что он был абсолютно искренним человеком.

Ф.Лукиянов: Ещё, если можно, один вопрос в продолжение темы, которую Гленн поднял и Вы упомянули. Население растёт в соседних странах, и в своей речи Вы говорили о миграционных потоках. Сейчас это очень горячая тема везде, и у нас в том числе.

Вы видите это как часть евразийской безопасности? Обсуждаете ли Вы это с коллегами по Евразии?

В.Путин: Да, конечно, мы очень часто это обсуждаем.

Уже говорил: сейчас у нас исторически низкий уровень безработицы – 2,4 процента, фактически нет безработицы. У нас есть нехватка рабочих рук. И конечно, нам для развития экономики нужны рабочие руки.

Более того, отсутствие должного количества рабочих рук является на сегодняшний день одним из основных препятствий нашего экономического роста. У нас прямо сейчас в стройке где-то полмиллиона, 600 тысяч человек отрасль возьмёт и не заметит. В промышленности 250 тысяч человек нужно прямо сейчас – и тоже будет маловато.

Как первый этап нам нужно создать такие условия, когда люди, приезжающие к нам на работу, будут к этому готовы: они будут владеть хорошо русским языком, знать наши традиции – мы много раз об этом говорили, – знать наши законы, и не только знать всё это, а быть внутренне готовыми соблюдать это всё.

И тогда не будет раздражения и неприятия со стороны наших граждан, а мы думать должны прежде всего, конечно, об интересах граждан Российской Федерации. Это совершенно очевидные

вещи. Хочу, чтобы в регионах Российской Федерации меня коллеги мои, руководители регионов, слышали, так же как и правоохранительные органы.

И что касается людей, которые к нам приезжают, они тоже должны жить в современных, человеческих условиях, пользоваться всеми благами цивилизации в сфере здравоохранения, образования и так далее. Здесь тоже есть перекосы. Сейчас не буду вдаваться в детали, но над этим надо работать.

Мы с коллегами, с моими друзьями, руководителями республик бывшего Советского Союза, постоянно это обсуждаем. И они сами хотят готовить тех людей, которые хотели бы приехать и работать у нас, готовить их к такой работе на территории Российской Федерации.

Что для этого нужно? Тоже наш вопрос. Нужно школы создавать, мы сейчас делаем школы, создаём. Нужно посылать учителей русского языка, которых не хватает и которых они с удовольствием принимают и принимали бы ещё в десять раз больше. Так что здесь тоже мяч в известной степени на нашей стороне. Они готовы к этому и хотят. Вместе будем это делать.

Но в перспективе, надеюсь, в недалёкой перспективе, нам нужно следить за тем, чтобы на российский рынок труда попадали прежде всего люди с хорошим образованием, хорошо подготовленные профессионально, – и часть людей, которые приезжают сегодня к нам, оставались бы работать у себя, – и чтобы мы там создавали производства, которые будут включены в общую цепочку производства определённых товаров. Мы бы загружали их заказами, они бы производили какие-то компоненты чего-то, финальная сборка могла бы быть у нас или у них, и тогда люди не только в Узбекистане, но и в Таджикистане, в Казахстане, в Киргизии имели бы рабочие места там, на родине, жили бы в среде своего родного языка, своей культуры. В целом это была бы общая кооперация.

В известной степени нам нужно воссоздать те кооперационные цепочки, которые были ещё в рамках Советского Союза, но, конечно, на новой технологической базе, на новой логистической базе. И тогда общая система будет более устойчивой, а темпы роста для всех участников этого процесса будут гарантированы. И не будет такого напряжения в этой сфере.

Сейчас говорили про искусственный интеллект, про другие возможности. Нужно нехватку рабочих рук – безусловно, об этом у нас все эксперты говорят – заменять новыми технологическими возможностями, производство осуществлять на новой технологической базе, повышая уровень отдачи и КПД. Мне кажется, что это вполне возможно.

Ф.Лукьянов: Спасибо.

Владимир Владимирович, большое событие вчера было, весь мир следил, затаив дыхание: Соединённые Штаты выбрали нового Президента. На Вашем президентском веку это шестой, он же четвёртый, но так бывает.

У Вас какие-то остались воспоминания, может, о ком-то из них более приятные, менее приятные? С кем было работать интереснее?

В.Путин: Вы знаете, вообще, они все интересные люди. Трудно себе представить человека, который оказался бы на вершине власти в одной из ведущих стран мира и был бы абсолютно каким-то ничтожным, глупым, неинтересным человеком.

Дело в чём? Дело в том, что внутривластная культура США такая, что внутривластная борьба становится всё острее и острее, используются всякие приёмы оппонентами и политическими противниками действующего главы государства, для того чтобы их как-то подпустить. Причём используются такие инструменты, которые часто являются неловкими и далеки от показателя этой политической культуры.

Помните, на Буша сколько было нападков всяких: он такой неграмотный, неинтеллигентный, незнающий. Враньё всё это.

У нас очень много было противоречий. Считаю, что с точки зрения отношения к России, политики на российском направлении, многие из них, практически все – я же говорил: всё, что делалось, в конечном итоге в совокупности смотрелось как скрытая интервенция.

Но в личностном плане... Я вас уверяю, тот же Буш, который был до этого губернатором Техаса – это, кстати, сложный штат, огромный, – и он был успешным губернатором. Я с ним общался – уверяю вас: он ничем не уступает любому из сидящих в этом зале, как бы его ни представляли – в качестве какого-то человека с низким IQ и так далее, – так же как и любому из своих политических противников. Я знаю, я же с ним общался много, лично, ночевал у него дома на ранчо в Техасе. Встречался неоднократно с его родителями – и у них дома, и они приезжали ко мне.

Я Вам скажу: разговаривал когда с его отцом, тоже бывшим Президентом США, он уже не был, конечно, в это время Президентом. Он мне сказал искренне – так спокойно говорит: «Огромную ошибку мы совершили, что начали блокировать Олимпийские игры в Москве. Потом Россия начала то же самое делать в отношении Олимпийских игр у нас. Такая чушь». Это он мне сказал лично: «Такая чушь, такая ошибка. Зачем мы это всё делаем?».

Ну и чего? И всё это продолжается. Под давлением извне Международный олимпийский комитет превратился в каких-то, не знаю, цирковых артистов просто. Коммерциализировали олимпийское движение полностью, уничтожают его своими руками.

Но я к чему? Сейчас я не об этом, а о том, с какими людьми мне пришлось работать. Каждый из них – это личность и человек, не случайно попавший на этот Олимп.

Ф.Лукиянов: А будущий Президент с этой точки зрения как?

В.Путин: Вы знаете, можно тоже как угодно к нему относиться. Ведь все изначально – в первой его итерации президентской – говорили, что он бизнесмен в основном и он мало что понимает в политике, он ошибок может наделать.

Но, во-первых, я Вам могу сказать: его поведение в момент покушения на его жизнь, не знаю, но на меня произвело это впечатление. Он мужественный человек оказался. И дело не только в поднятой руке и в призыве бороться за их общие идеалы. Дело не только в этом, хотя, конечно, это на драйве таком. Человек проявляет себя в экстраординарных условиях – вот здесь человек проявляет себя. И он себя проявил, на мой взгляд, очень правильным образом: мужественно, как мужчина.

Что касается политики в первой итерации, не знаю, он услышит, но скажу, пожалуй, здесь. Говорю искренне абсолютно: у меня такое впечатление, что его затравили со всех сторон, не давали ему пошевелиться. Он боялся шаг сделать влево-вправо, лишнее слово сказать.

Я не знаю, что сейчас будет происходить, понятия не имею: для него это всё-таки последний срок, что он будет делать – это его вопросы. Но то, что говорилось публично до сих пор в основном... Не хочу сейчас комментировать то, что было сказано в ходе избирательной борьбы, думаю, что это сказано сознательно в борьбе за голоса избирателей, но не важно. А то, что было сказано по стремлению восстановить отношения с Россией, способствовать завершению украинского кризиса, на мой взгляд, мне кажется, это заслуживает внимания как минимум.

И я, пользуясь случаем, хочу поздравить его с избранием на пост Президента Соединённых Штатов Америки. Уже говорил, что мы будем работать с любым главой государства, которому окажет доверие американский народ. Так будет действительно и на практике.

Ф.Лукиянов: А если он выполнит то, что всё время сейчас говорил, вот буквально в ближайшее время, до инаугурации, позвонит Вам и скажет: Владимир, давай встречаться.

В.Путин: Знаете, я не считаю зазорным и со своей стороны ему позвонить. Не делаю этого, потому что руководители западных государств с какого-то этапа чуть ли не каждую неделю мне

звонили, а потом вдруг прекратили. Не хотят – ну и не надо. Мы, как видите, живы-здоровы, и ничего – развиваемся, идём вперёд.

Если кто-то из них захочет возобновить контакты, я всегда говорил, хочу ещё раз сказать: мы ничего против не имеем. Пожалуйста, будем контакты возобновлять и вести дискуссии. Но желающих вести дискуссию много, здесь целый зал, но если нет, мы будем с вами вести дискуссию тогда.

Ф.Лукьянов: То есть с Трампом готовы повести?

В.Путин: Готовы-готовы.

Ф.Лукьянов: Хорошо.

Ну что же, пока нет Трампа, давайте проведём дискуссию с теми, кто здесь. Давайте начнём с профессора Фэн Шаолэя.

Фэн Шаолэй: Уважаемый господин Президент!

Очень рад Вас ещё раз видеть. Сначала хотел бы передать благодарность от моих китайских коллег за прекрасную организацию, показанную русскими друзьями на Казанском саммите.

Но ещё хотел бы сказать большое спасибо за Вашу личную поддержку работы нашего клуба, в том числе очень оживлённую дискуссию.

Я вспомнил, что восемь лет тому назад тоже на нашем форуме я имел честь у Вас спросить: какие Ваши размышления по взаимоотношениям между Россией, США и Китаем? Вы мне очень точно отвечали, что они должны быть взаимно уважительными и взаимно полезными. Теперь уже восемь лет прошло. Мир очень сильно меняется. С одной стороны, конкуренция, санкции ужасные. Но, с другой стороны, стратегический партнёр России – Китай, сотрудничество в БРИКС развивается очень успешно.

Мой вопрос такой: какова Ваша оценка текущего и будущего развития стратегического партнёрства России и Китая?

Второй: будет ли возможность реализовать нормализацию отношений между Россией, США и Китаем в новой обстановке?

Спасибо Вам большое.

В.Путин: Что касается отношений между Россией и Китайской Народной Республикой, они носят беспрецедентно высокий характер и основаны на взаимном доверии, чего нам не хватает в отношениях с другими странами, прежде всего со странами Запада. Я уже сказал почему.

Я знаю, если бы здесь были представители тех, в чей огород камни с моей стороны, они сейчас выложили бы целую страничку претензий в отношении России, в мой личный адрес. Ну сейчас мы не будем дискутировать. Я хочу только сказать, что между Россией и Китаем уровень доверия находится на самой высокой точке в новейшей истории. И это, именно это, и наши личные, дружеские – именно дружеские – отношения с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином, они являются очень хорошим залогом для развития межгосударственных связей.

Я сейчас не буду вдаваться в детали, но всё-таки 240 миллиардов торговый оборот – это не самый большой, но всё-таки четвёртое место среди торговых оборотов среди ведущих торгово-экономических партнёров Китая. Это уже прилично. Это очень важное обстоятельство. И мы реально хорошо дополняем друг друга. Начали с энергетики, в том числе с атомной энергетики. По мере роста возможностей технологических мы этими технологиями обмениваемся, это очень важно, и это значение растёт. Поэтому мы расширяем номенклатуру своего сотрудничества, палитру наших возможностей, всё больше и больше внимания уделяя высоким технологиям, причём в разных, в самых разных сферах.

Китай очень многого добился. Я уже говорил, не помню, в прошлый раз я здесь говорил или нет, но на других публичных мероприятиях говорил: по мнению наших экспертов, та модель экономики, которую Китай взял на вооружение, он выработал её, эту модель, естественным образом, исходя от потребностей жизни. Она является гораздо более эффективной, чем во многих других ведущих экономиках мира. Прямо скажем, такие элементы, сочетающие и плановую экономику, и рынок. Удаётся китайским специалистам это делать, а с политического уровня удаётся нашим друзьям этим специалистам не мешать это делать – это очень важно. И получается эффект хороший. То есть китайская экономика работает эффективнее, чем другие экономики, даже несмотря на то, что происходит определённая коррекция с точки зрения темпов экономического роста.

В Соединённых Штатах, к сожалению, проводят политику двойного сдерживания, то есть попытка сдерживать и Китай, и Россию. Зачем это нужно, работать на два фронта тем более, – совершенно непонятно. То есть понятно: считают, что рост экономического могущества Китая представляет для них угрозу, угрозу для их доминирования.

На мой взгляд, если хотят работать, действовать эффективно, то не этими методами надо было бы работать, не этими. Надо доказывать своё преимущество в честной, открытой конкурентной борьбе, и тогда к жизни вызывались бы внутренние силы развития в самих Соединённых Штатах. А они что делают? Запрещают одно, второе, третье и в конечном итоге только наносят ущерб своему собственному развитию. Запрет китайских товаров или применения китайских технологий на американском рынке приведёт к чему? К инфляции, к удорожанию производства – вот к чему приведёт, вот и всё.

Что касается нашего взаимодействия, те области, в которых пытаются сдерживать развитие Китая, вполне могут дополняться и нашим сотрудничеством с Китайской Народной Республикой.

Например, мы начали с энергетики. Это развивается очень активно и в нефтяной, и в газовой сфере, и области ядерных технологий. Мы же активно работаем и по созданию новых блоков атомных электростанций, по поставкам нефти и газа. Но это создаёт абсолютно надёжную систему энергобезопасности для Китая. У нас же общая граница. Этому никто не может помешать, никакие шторма, никакие перекрытия морских путей сообщения, ничего нашему сотрудничеству помешать не может, потому что у нас общая граница. Как идёт поставка, так и будет идти – полная гарантия.

Мне думается, что если бы те же Соединённые Штаты поменяли вектор в отношении и России, и Китая, то есть не проводили бы политику двойного сдерживания, а проводили бы политику трёхстороннего сотрудничества, от этого выиграли бы все и проигравших бы не было.

Ф.Лукьянов: Ещё про тройственное сотрудничество вопрос был.

В.Путин: А я сейчас так и сказал, я этим закончил. Вы невнимательно слушали.

Ф.Лукьянов: Извините, отвлёкся.

В.Путин: Задумался о своём.

Ф.Лукьянов: По-моему, генерал Салик из Пакистана просил, поднимал руку.

Н.Салик (как переведено): Благодарю вас, господин Президент.

Мой вопрос посвящён стабильности глобального паритета. В 2026 году истекает срок действия СНВ-3. Пока что не ведётся никаких переговоров, пока нет шансов на продление. Когда истечёт срок действия этого договора, каким образом Вам представляется возможность поддержания стабильности ядерных потенциалов?

Спасибо.

В.Путин: Вы знаете, мы же никогда не отказывались от продолжения диалога в области стратегической стабильности. Не открою секрета, все хорошо знают, и не только в этом зале, во всём мире знают хорошо, что Соединённые Штаты и их, извините за это слово, сателлиты – по-

другому в современных условиях и сказать невозможно в отношении руководителей этих стран, которые в ущерб себе идут по предложенному им из-за океана пути в отношении России, – Соединённые Штаты ставят перед собой цель нанести России поражение, стратегическое поражение.

Что такое стратегическое поражение? Что такое добиться стратегического поражения конкретной страны? Если не уничтожить эту страну, то, не знаю, свести эту страну до ничтожной роли. А зачем нам тогда ядерное оружие? И в это же время хотят с нами вести диалог по стратегической стабильности. Как это? Вроде нормальные взрослые люди. Мы готовы вести этот диалог, но в современных условиях здесь существует много моментов.

Ваш коллега из Китая сейчас спрашивал по поводу взаимоотношений в треугольнике Россия – Китай – Соединённые Штаты. Я сознательно, честно говоря, не хотел усугублять эту тему, вывел за рамки своего ответа вопросы международной безопасности.

Сотрудничество России и Китая – один из важнейших факторов международной стабильности в целом, но это имеет отношение к стратегической стабильности в области ядерных вооружений. Всё время, во всяком случае, в прежние годы нам всё время на ухо шептали: давайте поработайте с вашими друзьями в Китае; надо, чтобы они включились в разговор по поводу сокращения своих ядерных арсеналов. На что наши китайские друзья говорят: «Ребята, вы что? У нас меньше и носителей, меньше боеголовок. Что мы будем сокращать? Или вы сами снижайте до нашего уровня, или дайте, мы дорастём до вашего, а потом вместе будем разговаривать по поводу каких-то снижений». Логично, ведь правильно? Всё остальное чушь какая-то просто.

А в то же время существуют ядерные арсеналы у других стран НАТО, кроме США, у Великобритании и у Франции, и они растут. Они не только растут, они качественно меняются. Совсем ещё недавно, совсем недавно мне говорили: НАТО – это не военно-политический союз, это прежде всего политический союз, а потом уже военный. Нет, мы видим, что совсем не так, на самом деле Соединённые Штаты целенаправленно или нецеленаправленно, я думаю, что целенаправленно, вернули во главу угла прежде всего военную составляющую НАТО, все вместе объявили о том, что собираются нанести нам стратегическое поражение. А как же мы не можем учитывать ядерные арсеналы Великобритании и Франции?

Поэтому на сегодняшний день этот вопрос непростой, он даже сложнее, чем был ещё 20 или 30 лет назад. Но мы понимаем свою ответственность как страна, которая по своим возможностям, по количеству носителей и боеголовок и качеству современных вооружений, а оно совершенствуются у нас, сейчас уже подходим к тому, чтобы ставить на вооружение новейшие наши разработки, о которых я ещё лет пять назад говорил, сейчас завершаем испытания постепенно, – мы это всё понимаем, и в целом мы готовы к этому диалогу. Надо, чтобы другая сторона подходила к этому честно, учитывая все аспекты наших взаимоотношений.

Не может быть так, что здесь они нам собираются нанести стратегическое поражение, а своим гражданам говорят: ребята, всё спокойно, всё нормально, business as usual, не бойтесь, ни о чём не думайте. Так не бывает: нам стратегическое поражение, а вы ни о чём не думайте. Поэтому давайте мы с открытыми картами, спокойно, по-деловому, без всяких двойных, тройных, пятерных стандартов просто будем говорить об этом. Мы, кстати говоря, неоднократно это и предлагали. Но, когда мы начинаем говорить об этом предметно, там сразу пауза. Посмотрим, как будет формулировать свои предложения, если они вообще будут, на этот счёт новая будущая администрация.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, Вы упомянули демонстрацию новейших разработок. А новые, новейшие разработки какие-нибудь есть?

В.Путин: Есть, постоянно что-то возникает. Вчера только разговаривал с одним из руководителей одного из крупнейших наших концернов, он докладывал о своих идеях в этой сфере. Просто об этом пока преждевременно говорить.

Ф.Лукьянов: Спасибо.

Профессор Ногейра в первом ряду, Бразилия.

Пауло Батиста Ногейра (как переведено): Спасибо за эту возможность.

Меня зовут Пауло Батиста, из Бразилии.

Хочу задать Вам вопрос. Можете более подробно рассказать о тех темах, про которые Вы говорили во время своих комментариев и в выступлении – БРИКС и доллар США? Какую роль Вы видите для БРИКС в построении альтернатив ненадёжных и неработающих систем, использующих доллар?

Россия в 2024 году во время председательства в БРИКС предложила подробный интересный план трансграничных платежей, основанных на национальных валютах. Какое Вы видите будущее этого обсуждения? Сможем ли мы оттолкнуться от этого?

Второй вопрос более сложный. Согласитесь ли Вы, что в платежах в национальных валютах есть определённые ограничения и что мы постепенно, шаг за шагом, аккуратно будем переходить к новым средствам платежа, новой резервной валюте? Президент Лула, кстати, говорил об этом в своём заявлении во время Казанского саммита. Мне было бы интересно услышать Ваше видение этого вопроса.

Спасибо.

В.Путин: Вы знаете, я свою позицию основываю на том, что предлагают нам наши эксперты, а я им доверяю. Они, безусловно, являются экспертами международного класса. И я предварительно проговорил наше предложение. А когда какая-то идея генерируется, потом моя роль в том, чтобы внутри страны, в экспертном сообществе и в Правительстве и в Центральном банке, прокачать эти идеи, эти предложения, как-то их оформить соответствующим образом и, поняв, о чём идёт речь, предлагать эти идеи нашим партнёрам.

Я одну из таких идей и предложил Президенту Луле. Он заинтересовался, он принимал наших экспертов у себя в Бразилии, причём на очень хорошем уровне. Пригласил на эти встречи и представителей Центрального банка, и Министерства финансов – в общем, практически весь экономический блок. И наши коллеги, друзья в Бразилии заинтересовались. Я сейчас два слова скажу о том, о чём идёт речь.

То же самое мы сделали и с другими странами БРИКС. Я отлично практически со всеми руководителями разговаривал, со всеми, и всем эти идеи в целом понравились.

О чём идёт речь? Первое, новизна в чём? Мы предлагаем создать новую инвестиционную платформу, используя электронные активы, развивая их. То есть речь идёт о том, чтобы создать такую платформу электронных платежей, с помощью которой можно было бы инвестировать в развивающиеся рынки, а это прежде всего рынки Южной Азии, Африки, отчасти Латинской Америки.

Повторю ещё раз: почему мы так думаем? Мы думаем так потому, что там происходят очень сильные демографические процессы. Рост народонаселения, там осуществляется накопление капитала. Там ещё недостаточный уровень урбанизации, и он будет точно нарастать. А если урбанизация будет расширяться и нарастать, там будут возникать новые центры экономического роста, и люди там будут стремиться, а значит, за ними и правительства, к подъёму уровня жизни и уровня благосостояния. На наш взгляд, именно эти регионы мира и будут развиваться наибольшими темпами. Китай, Российская Федерация, Саудовская Аравия, некоторые другие страны, по нашему мнению, тоже будут расти, но гораздо более серьёзный рост, бурный рост будут показывать те регионы мира, о которых я только что сказал. Они будут нуждаться в инвестициях, в технологиях и в кадрах, в подготовке кадров. Используя новые инвестиционные возможности, новую платформу, нам думается, это можно будет обеспечить.

Причём эти инструменты, электронные инструменты, мы можем сделать практически безинфляционными, потому что, если это будет избыток, перебор, мы можем их изымать. Если будет не хватать, мы можем дополнительные эмитировать и регулировать с помощью контроля со стороны центральных банков и Нового банка развития БРИКС. Руководству Нового банка развития БРИКС эта идея тоже понравилась.

Здесь разные точки зрения существуют, разные подходы. В целом кто-то заинтересовался больше этими идеями, кто-то меньше, но мы договорились создать рабочую группу и на экспертном уровне, на правительственном уровне. На правительственном сейчас будем этим заниматься. Мы никуда не спешим.

Это не ответ на события сегодняшнего дня, нет. Это даже не ответ на то, чтобы как-то противодействовать ограничениям в области финансов. Сейчас я об этом тоже скажу дополнительно. Нет, это просто задумка, как нам организовать работу на перспективных и растущих быстрыми темпами рынках. Это касается не только стран БРИКС, это касается и тех стран, которые не являются членами БРИКС. Это просто для нас возможность инвестиций, захода на эти рынки, а для них возможность воспользоваться нашими возможностями.

И если это по-другому невозможно сделать будет, мы будем опираться только на перспективные проекты, которые будут реализовываться и давать отдачу, то этот механизм можно запустить, на наш взгляд, он заработает.

Что касается сегодняшнего дня, то использование национальных валют всё-таки даёт свой результат. Вот для России, например, уже две трети нашего торгового оборота обслуживается в национальных валютах. А что касается стран БРИКС – 88 процентов обслуживается в национальных валютах.

Мы сейчас говорим о том, чтобы использовать электронные инструменты обмена финансовой информацией между центральными банками наших стран, это так называемая система BRICS Bridge. Мы обсуждали на экспертном уровне со всеми нашими партнёрами по БРИКС. И вторая система, это тоже в рамках БРИКС: мы говорили о расчётах на биржах ценных бумаг. На сегодняшний день, мне кажется, это оптимально. Это то, над чем мы работаем и над чем должны работать в ближайшее время.

Я много слышал, на экспертном уровне, в журналистских кругах говорят о том, что нужно думать о создании единой валюты. Но рано пока об этом говорить. И у нас нет таких целей между собой. Потому что для того, чтобы говорить о какой-то общей валюте, нужно добиться большей интеграции экономик друг с другом – это первое. И второе – нужно качество экономик поднять на определённый уровень, чтобы это были очень похожие и совместимые по качеству и по структуре экономики друг с другом. Просто остальное будет нереалистично, а может даже и во вред пойти. Поэтому спешить никуда не нужно.

Закончить хочу тем, с чего обычно начинаю, когда отвечаю на вопросы подобного рода. Мы же не стремились отказываться от доллара и не стремимся к этому. Это делают сами политические и финансовые власти тех же Соединённых Штатов или Европы, когда отказывают в расчётах в евро. Евро ещё не встал на ноги как мировая валюта, а они уже сами, своими руками ограничивают это. Ерунда какая-то.

Что касается Европы, там вообще проблема заключается в том, что вопросы решения в области экономики принимаются политиками, которые часто, к сожалению, для этих стран не являются даже экспертами в области экономики финансов. И это идёт только во вред этим странам. Поэтому мы, в России, во всяком случае, мы не отказываемся от доллара и не собирались этого делать. Нам отказано просто в том, чтобы использовать доллар как инструмент платежей. Ну отказано и отказано. Но это, на мой взгляд, страшная глупость со стороны финансовых властей США, потому что на этом, на долларе, держится всё могущество США на сегодняшний день. Они взяли и своими руками это всё подрезают.

А мне бы казалось, чего бы ни происходило, доллар как священная корова, её нельзя было трогать. Нет, взяли своими руками ей там рога поотшибали, вымя не моют, а, наоборот, эксплуатируют почём зря. Что это такое? Но сами виноваты. Расчёты в долларах сокращаются в мире не сильно пока, как средства накопления тоже потихонечку, даже в странах ближайших партнёров тоже потихонечку, но снимается, сужается, и это тенденцией уже становится. Своими руками всё делают.

А мы не боремся, наши предложения не направлены на борьбу с долларом. Мы просто в ответ на вызовы времени, в ответ на новые тенденции развития мировой экономики думаем над созданием новых инструментов, и прежде всего, конечно, актуальным является, как я уже говорил в начале, создание системы, использование уже наработанных систем в каждой стране, обмена финансовой информацией, и те инструменты, которые я указал, будем развивать.

Спасибо.

Ф. Лукьянов: Александр Ракович, Сербия.

А. Ракович (как переведено): Дорогой господин Президент!

Меня зовут Александр Ракович, я историк из Сербии. Для меня честь видеть Вас, слушать Вас, говорить с Вами снова.

Мой вопрос сегодня для Вас звучит следующим образом. По Вашему мнению, каково состояние и отдельные механизмы, которые россияне, сербы и другие народы по всему миру должны использовать для защиты наших традиционных ценностей и защиты нас самих, нашей идентичности от всепроникающего, навязанного воздействия западной идеологии, которое мы видели в этом году на церемонии открытия Олимпийских игр в Париже?

Спасибо.

В. Путин: Что касается того, что мы видели на открытии, я, честно говоря, даже не смотрел вначале, потом уж мне сказали, что там что-то происходило, я посмотрел. Я не знаю, на что рассчитывали, зачем это делали организаторы, зачем это МОК пропустил. Это, безусловно, было оскорбительно для миллионов верующих христиан. Зачем нужно оскорблять кого бы то ни было, оскорблять их религиозные чувства? Те, кто это делал, скажут, что не собирались оскорблять и не видят здесь ничего оскорбительного.

Но так же происходит в отношении представителей ислама, когда сжигают Коран или иллюстрации всякие, комиксы с Пророком публикуют под эгидой свободы слова. Я сейчас повторю всё-таки то, о чём уже неоднократно говорил: свобода одного человека или общества заканчивается там, где начинается свобода другого. Потому что, если можно кого-то оскорблять, его религиозные чувства, и говорить «это моя свобода, я делаю то, что хочу», то так можно и до убийства дойти: «хочу убить», «я хочу убить», пошёл убил, «это выражение моей свободы». Так, что ли? Чушь, конечно.

Люди не чувствуют границ каких-то, краёв не видят, как у нас в народе иногда говорят. Есть у тебя какое-то видение чего-то, ну и хорошо, и будь при своём видении этого чего-то. Но если ты знаешь, что это может оскорбить другого человека, воздержись от того, чтобы делать это, вот и всё, – правило простое.

Они считают возможным действовать таким образом. Это, кстати, так же как и возможность мужчинам выступать в женских видах спорта, убивает просто женский спорт. Если, уж извините, я затронул эту тему, на мой взгляд, некоторые виды спорта женскими не являются. Я прошу прощения у женщин, они скажут, что я не прав. Ну ладно, это уже другая тема.

Но если уж женщины участвуют в этих видах: штанга, бокс, я не знаю, борьба, – ну пускай женщины между собой соревнуются. Это же просто – человек, потому что он объявил себя женщиной, пошёл у всех выиграл, нос сломал там женщине, – это просто убивает женский спорт. Женщинам невозможно будет выступать скоро нигде. Ну чушь какая-то.

Пусть эти люди между собой борются. Объявил себя женщиной – вот те, кто объявил, пусть выступают и борются между собой на Олимпийских играх. Или также те, что справки берут, что с детства чем-то больны и употребляют какие-то препараты, которые дают явные преимущества в ходе соревновательного процесса, – давайте между ними будем устраивать соревнования. Ну это же так естественно, просто, на мой взгляд. Что здесь такого-то? Никого не обижает, кстати говоря.

А как защищать свои ценности? Всеми доступными нам средствами.

Ван Вэнь (как переведено): Меня зовут Ван Вэнь, я представляю Китай.

Мне очень приятно вновь видеть Вас, господин Президент. Мой вопрос посвящён российско-китайским взаимоотношениям в следующие четыре года. Хотел бы также спросить об изменениях будущей международной системы.

Мы знаем, что Трамп вернулся. Если Президент Трамп позвонит Вам однажды и скажет, например, «давайте объединим усилия, для того чтобы победить Китай», каков будет Ваш ответ на такой вопрос? Вы примете предложение Президента Трампа? Например, объединение России и США для противостояния Китаю? Это первый вопрос.

Второй вопрос посвящён будущему международных отношений. Вы неоднократно говорили о том, что международная система сейчас претерпевает глубинные изменения. С Вашей точки зрения, каким образом будет выглядеть будущее международных отношений? Какой будет эта система? С Вашей точки зрения, какова роль России, Китая, США? Как должна выглядеть роль этих стран в будущей системе? И каким образом Вы предполагаете координировать взаимоотношения в этом треугольнике: Россия – Китай – США?

Спасибо.

В.Путин: Попробую ответить как можно кратко. Первое. Мы с Китаем сотрудничаем и дружим не против кого бы то ни было. Наши отношения с Китаем не направлены против третьих стран, в том числе против Соединённых Штатов. Наши отношения с Китаем направлены на то, чтобы создавать условия для развития наших государств и создания необходимых условий для безопасности народов.

То же самое касается наших отношений с Соединёнными Штатами. Я с трудом могу себе представить такой вопрос со стороны господина Президента избранного, я думаю, что он понимает, что этот вопрос очень далёк от реалий, в которых мы живём. Россия ни с кем не объединяется против кого бы то ни было. Тем более это выглядит абсолютно нереалистичным в отношении Китая, с которым у нас достигнут, как я уже говорил, беспрецедентно высокий уровень взаимного доверия, сотрудничества и дружбы.

Я полагаю, что такие государства, как Китай и Россия, имеющие сотни, тысячи километров общих границ, общую историю сосуществования практически в одном пространстве, несмотря на разницу культур, имеющих общие ценности, это само по себе огромное достижение, которым мы должны пользоваться сегодня и оставить эти достижения, укреплять их для будущих поколений.

А что касается возможности восстановления отношений с Соединёнными Штатами, мы для этого открыты, но в значительной степени мяч на стороне Соединённых Штатов, потому что мы с ними отношения не портили, мы против них никаких ограничений и санкций не вводили. Мы не способствуем тому, чтобы на близких к ним территориях разжигался какой бы то ни было вооружённый конфликт. Мы к этому никогда не стремились и на практике никогда, хочу это подчеркнуть, себе этого не позволяли.

Непонятно, почему это позволяют себе Соединённые Штаты. Надеюсь, что и у них придёт в конце концов осознание того, что этого лучше не делать, если мы не хотим каких-то глобальных конфликтов.

Избранный Президент Соединённых Штатов господин Трамп примерно в таком же ключе высказывался. Посмотрим, как будет это функционировать на самом деле, имея в виду, что

институт президента в Соединённых Штатах так или иначе связан определёнными обязательствами. Он так или иначе связан с теми людьми, которые способствовали его приходу во власть.

Мне когда-то Жак Ширак говорил: «О какой демократии в Штатах мы говорим, какая демократия? Там без миллиарда, если у тебя миллиарда долларов в кармане нет, даже думать не нужно о возможном участии в выборах, не то что участвовать, думать нельзя». Так оно и есть. Но те, кто даёт эти миллиарды, они же участвуют одновременно и в формировании будущей команды. А если они кого-то делегируют, они имеют возможность влиять на тех людей, которых они делегировали в эту команду.

И здесь очень важно, насколько избранному лидеру удаётся наладить контакт не только с этими группами влияния, с так называемым теневым, глубинным государством, но и с населением, с народом, с избирателями. Если он выполняет данные избирателям обещания, его авторитет растёт, и он, опираясь на этот авторитет, становится самостоятельной политической фигурой, в том числе и в отношениях с группами влияния, которые помогали ему прийти к власти. Это очень сложный процесс.

Что будет происходить в Соединённых Штатах, мы с вами не знаем, и я не знаю. Но я очень рассчитываю на то, что наши отношения с Соединёнными Штатами когда-нибудь всё-таки будут восстановлены. Мы к этому открыты. Пожалуйста.

Ф.Лукьянов: Спасибо.

Вы упоминали Японию. Господин Абиру.

Т.Абиру: Спасибо.

Тайсукэ Абиру, Фонд мира Сасакавы.

Разрешите мне задать такой же вопрос, но тоже связанный с Японией. Стратегическая обстановка в Восточной Азии становится всё более напряжённой. В основе этого лежит стратегическое соперничество между США и Китаем. Россия в этом соперничестве явно на стороне Китая. Частота совместных военных учений между Россией и Китаем заметно возросла в этом регионе.

С другой стороны, Азия – это регион со множеством ценностей, и стратегические интересы России в этом регионе не должны ограничиваться отношениями с Китаем. Как Россия пытается совместить два вызова: с одной стороны, позицию России в американо-китайском противостоянии в Восточной Азии и сохранение пространства для стратегических многосторонних интересов России в этом регионе?

И ещё: как бы Вы оценили будущее российско-японских отношений в этом стратегическом контексте, скажем, через пять лет?

Спасибо.

В.Путин: Действительно, ситуация в Восточной Азии не становится спокойнее, не становится стабильнее, но Китай здесь ни при чём. Конечно, Китай – наш ближайший партнёр, друг, но я постараюсь объективно рассуждать, объективно.

Китай разве создаёт какие-то блоки? Не хочу выступать адвокатом Китая – просто я понимаю: там много внутренних проблем, но между соседями всегда есть проблемы. Мы знаем – здесь я же не открою секрета: есть определённые сложности на границе между Индией и Китаем, но люди опытные, грамотные, думающие о будущем своих народов, ищут компромиссы и находят – так, как это делают сейчас и Премьер-министр Индии, и Председатель Китайской Народной Республики. Они диалог ведут, в том числе вели этот диалог и в Казани на саммите БРИКС, и надеюсь, это позитивно отразится на будущем развитии китайско-индийских отношений.

Что касается ситуации в Восточной Азии в целом: Китай, что ли, там блоки создаёт? Это Соединённые Штаты создают блок – один блок, второй, третий. Теперь НАТО формально туда

уже влезает. Ничего хорошего не происходит, когда создаются замкнутые военно-политические блоки под явным дирижированием какой-то одной главной страны. Все остальные страны, как правило, работают в режиме интересов этого государства, которое создаёт эти блоки. И пусть те, кто с такой лёгкостью со всем соглашается, подумают об этом.

Если возникают какие-то вопросы – они всегда возникают между соседями, всегда, – всё-таки стремиться нужно к тому, чтобы на региональном уровне, без вмешательства внешних сил руководители этих стран находили в себе и силы, и мужество, и терпение, и готовность к тому, чтобы искать компромисс. Если такое отношение к делу будет набирать обороты, то эти компромиссы всегда можно найти, они будут найдены.

Поэтому обвинять Китай в каких-то агрессивных намерениях, когда не он создаёт агрессивные блоки, а те же Штаты, мне кажется, совершенно некорректно.

Теперь что касается того, что Россия на стороне Китая, а не на стороне тех, кто эти блоки создаёт. А как же? Конечно, мы на стороне Китая. Во-первых, в силу того, что я сказал выше: мы не считаем, что Китай проводит в регионе агрессивную политику.

Многое крутится вокруг Тайваня. Все формально признают: да, Тайвань – это часть Китая. А на деле? А на деле действуют совершенно в другую сторону, провоцируя ситуацию на сторону обострения. Зачем? А не для того же, для чего спровоцировали украинский кризис? Чтобы создать кризис в Азии, а потом сказать всем остальным: ребята, давайте ко мне сюда, поближе, потому что без меня вы не справитесь. Может быть, такая логика и в Азии тоже работает?

Поэтому мы действительно поддерживаем Китай. И в силу того, что мы считаем, что он проводит абсолютно взвешенную политику, да ещё и потому, что это наш союзник. У нас очень большой торговый оборот, мы сотрудничаем в сфере безопасности.

Вы сказали, что мы проводим учения. Ну да. А разве Соединённые Штаты не проводят учения с той же Японией? На постоянной основе. И с другими странами проводят учения – тоже на постоянной основе.

Говорил как-то: мы с конца 90-х годов перестали использовать нашу стратегическую авиацию. Она не совершала дальних полётов в нейтральной зоне, а США продолжали это делать. Мы смотрели-смотрели, смотрели – и тоже возобновили в конце концов полёты нашей стратегической авиации.

Так же и в этом случае: США проводили-проводили там бесконечные учения – в конце концов мы с Китаем тоже начали проводить учения. Но ведь учения никому не угрожают – они направлены на то, чтобы обеспечить нашу безопасность. И мы считаем, что это является правильным инструментом, стабилизирующим ситуацию не только в Азии, но и во всём мире.

А странам региона здесь нечего опасаться. Хочу ещё раз подчеркнуть: наше сотрудничество с Китаем в целом и в военной, военно-технической области [в частности] направлено на укрепление нашей безопасности и не направлено против третьих стран.

Что касается Японии, наших двусторонних отношений с Японией, тоже могу повторить то, что говорил Вашим коллегам. Мы же не ухудшали отношения с Японией. Мы чего плохого-то Японии сделали в последнее время? Мы вели переговоры, пытались найти ответ на очень сложный вопрос по мирному договору.

Кстати говоря, звучали вопросы о возможных компромиссах на основе декларации 1956 года. Мы её даже ратифицировали в Советском Союзе. Японская сторона потом отказалась от этого. Тем не менее по просьбе японской стороны мы вернулись к этой декларации, возобновили диалог. Да, всё непросто, но в целом мы слышали партнёров, думали о том, как и что выстроить на базе этой декларации 1956 года.

Потом вдруг Япония взяла и ввела против нас санкции да ещё записала в список угроз – на какое-то третье-четвёртое место поставила Россию. Какая угроза? В чём мы Японии угрожаем-то? Да

ещё санкции ввели. Мы чего вам плохого-то сделали? Вы зачем это сделали-то? Потому что получили команду из Вашингтона? Ну вы как-нибудь сказали бы им «здрасьте, ребята, ну мы подумаем», не обижая своего партнёра, союзника. Нужно обязательно было беспрекословно исполнить приказ? Зачем вы это сделали? Не понимаю.

Слава богу, есть в Японии ещё умные люди: они продолжают сотрудничать, особенно в области энергетики, не уходят из наших компаний и видят, что всё надёжно. Несмотря на то что Япония ввела какие санкции, мы ничего в ответ не делаем. Как компании японские работали у нас, так и работают – хотят работать, пусть продолжают.

Мы сейчас видим: некоторые сигналы даже от американских компаний приходят, что они хотят вернуться на наш рынок. Пусть возвращаются, но, конечно, в новых условиях, с потерями, естественно. Но это не мы же виноваты.

Мы готовы выстраивать отношения с Японией и на следующие пять лет, и на следующие 50. Япония – наш естественный партнёр, потому что сосед. Были разные периоды в истории наших отношений, были и трагические страницы, были и такие, которыми мы можем гордиться.

У нас любят Японию, и японскую культуру любят, японскую кухню любят. Мы ничего не разрушали. Сделайте выводы для себя, и мы не будем здесь дурака валять, дурачиться, отталкиваться, вам что-то в вину ставить. Мы готовы, пожалуйста, возвращайтесь просто, и всё.

Вот и всё, пожалуй, добавить нечего.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, а наше стратегическое сотрудничество с Корейской Народно-Демократической Республикой тоже направлено на укрепление нашей безопасности, как с Китаем?

В.Путин: У Корейской Народно-Демократической Республики есть договор, который мы подписали и с другими странами и [который] был с Советским Союзом – просто потом естественным образом прекратил своё существование. Мы, по сути, вернулись к нему, вот и всё. Там новизны-то никакой нет, кто бы чего ни говорил.

Всё, практически всё, что было прописано в договоре между Корейской Народно-Демократической Республикой и Советским Союзом, просто с какими-то новыми нюансами, воспроизведено в новом договоре.

Да, конечно, направлено это на обеспечение безопасности в регионе и нашей взаимной безопасности.

Ф.Лукьянов: Учения будем проводить с ними?

В.Путин: Посмотрим, можем и учения проводить. Почему нет-то? А там есть и статья четвёртая, которая говорит о взаимной помощи в случае агрессии со стороны другого государства. Там всё есть. И повторяю ещё раз: нет практически никакой новизны по сравнению с договором, который просто закончил срок своего действия ещё со времён Советского Союза.

Ф.Лукьянов: Спасибо.

Вопрос (как переведено): Спасибо, господин Президент. Спасибо за Вашу речь и спасибо за взаимодействие.

Мой вопрос посвящён отношениям России и Индии. Вы встречались с Премьер-министром [Нарендрой] Моди несколько раз за последние несколько месяцев. Премьер-министр Моди в какой-то момент времени упомянул Вам, что это не должно быть эпохой ужасов. Что бы Вы сказали по поводу этого заявления?

Если бы Вы также могли сказать нам по поводу концепции евразийской безопасности: какую роль Вы предвидите для Индии?

Третий вопрос. В изменившихся геополитических обстоятельствах Вы также упоминали о важности цивилизаций, ценностей цивилизаций, что Россия – это государство цивилизаций, Индия так же. В каких новых сферах Индия и Россия могли бы работать вместе?

Спасибо.

В.Путин: Индия – наш естественный партнёр и союзник на протяжении десятилетий.

Думаю, всем хорошо известно, какую роль сыграл Советский Союз, Россия в обретении Индией своей независимости, как мы поддерживали индийский народ на протяжении десятилетий. За это время у нас сложились уникальные по своему качеству и уровню доверия отношения с индийским народом, прямо скажу это в таком контексте. Насколько мы понимаем, насколько мы чувствуем, и со стороны наших индийских друзей такой общенациональный консенсус существует по поводу развития отношений с Россией, с нашей страной.

На этой базе, на этой основе мы развиваем отношения с Индией по всем направлениям: это касается и экономики, она развивается хорошими темпами, причём тоже по разным направлениям; это энергетика. Мы, кстати, готовы: кроме поставок нефти, поставки на индийский рынок возросли многократно, это касается возможности поставок СПГ – сжиженного природного газа. Мы активно работаем в области атомной энергетики и возводим в Индии атомные электростанции. Мы с огромным уважением относимся к идее Премьер-министра Моди «Делай в Индии», к его призыву «Делай в Индии» и готовы инвестировать.

В той же области энергетики одна из самых крупных иностранных инвестиций – 20 миллиардов долларов – это российская инвестиция. И мы готовы дальше развивать это в таком же ключе.

Сейчас, конечно, мы должны думать о новых технологиях. Мы думаем об этом и будем в этом отношении двигаться. На последней встрече господин Премьер-министр обратил внимание на то, что у индийских производителей сельхозпродукции есть острая необходимость увеличить количество и объём поставок удобрений. Мы это сделали и готовы наращивать, имея в виду потребности индийского сельского хозяйства. Есть и другие сферы, их много.

Индия – великая страна, самая большая сейчас по населению – полтора миллиарда человек, плюс 10 миллионов ежегодно. Развивается быстрыми темпами. Она лидер по темпам экономического роста среди крупных экономик. Сколько там? По-моему, 7,4 процента роста ВВП в год.

И Индия относится как раз к тем странам, темпы развития которых будут развиваться большими темпами, чем даже благополучно развивающиеся экономики сегодняшнего дня. Поэтому наше видение того, что, как и где, в каких сферах и какими темпами должны развиваться наши отношения, строится исходя из реалий сегодняшнего дня. А реалии такие, что в разы увеличивается объём нашего сотрудничества.

Торговый оборот пока не такой большой, как с Китаем, но всё-таки почти 60 миллиардов долларов – это 58 с чем-то, и увеличивается ежегодно. В этом году, уже за девять месяцев текущего года, эта тенденция сохранилась.

Что касается решения острых кризисов, мы с большим уважением и благодарностью относимся к идеям индийского руководства, и прежде всего Премьер-министра, который высказывает свои озабоченности по поводу, скажем, конфликта, в том числе на украинском направлении, и предлагает свои идеи по урегулированию. Безусловно, это находится в поле нашего зрения, и мы, без всякого сомнения, не только благодарны Премьер-министру за его внимание к этим проблемам, но и за его предложения, и за то, что и как он делает в этой связи.

А в целом думаю, что отношения с Индией как развивались высокими темпами, и у нас есть все основания полагать, что на базе того, что достигнуто до сих пор, мы будем двигаться ещё даже более высокими темпами, чем на сегодняшний день. Но, кстати говоря, это традиционно всем хорошо известно, развиваются отношения и в сфере безопасности, в военно-технической области.

Посмотрите, сколько на вооружении индийской армии находится российской техники. Мы развиваемся здесь действительно с известным уровнем, высоким уровнем доверия вместе.

Мы не просто продаём в Индию наше вооружение, а вместе занимаемся разработками. Система «БраМос» хорошо известна. Мы её сделали практически используемой в трёх сферах: в воздухе, «оморячили» и на суше. И эти разработки в интересах обеспечения безопасности Индии продолжаются. Это всем хорошо известно, не вызывает ни у кого абсолютно никаких вопросов или какого-либо раздражения, но свидетельствует о высоком уровне нашего доверия и сотрудничества. Так и будем делать на ближайшую историческую перспективу, надеюсь, и в будущем.

Можно я немножко [повыбираю вопросы], потому что уже у нас так потихонечку время [заканчивается].

Ф.Лукьянов: Полночь близится.

В.Путин: Да, а Германа всё нет.

Д.Константакопулос (как переведено): Я представляю Грецию.

Есть разные варианты, как оставаться другом и братом России. Есть причины, которых мы не можем избежать, они являются частью нашей глубокой культурной идентичности.

Хочу задать вопрос. 40 лет назад в Европе был капитализм. Советская система рухнула. С тех пор мы видели приумножение экономических кризисов, войн, экологических проблем и многих других проблем. Не пришло ли время нам ориентироваться на плановую экономику на национальном, региональном и международном уровне?

Я не имею в виду ошибки прошлого, своего рода военный социализм, я имею в виду систему – как ту, которую Вы описали, – комбинацию рыночной и плановой экономики, как ту, которую вы пытались применять в своей стране во время НЭПа, после революции. Может быть, внести какие-то элементы социализма, как Вы уже говорили – Вы говорили о революции в начале своего выступления.

Спасибо.

В.Путин: Чем острее кризис, тем больше плана, потому что тем больше требуется вмешательства государства для урегулирования возникающих проблем. Но чем больше становится богатств, накопленных ресурсов, тем громче звучат предложения о том, чтобы переходить к исключительно рыночному урегулированию. Приходят, условно, либералы и демократы и начинают всё тратить, что было накоплено консерваторами. Потом проходит какое-то время, опять возникают кризисы перепроизводства – условно, либо кризисы, связанные с этим, и всё повторяется бесконечное число раз, всё возвращается на круги своя.

Это суверенный выбор каждого государства – как построить свою экономическую политику. Китай нашёл эти возможности. А знаете, почему это ему удалось? В том числе и не в последнюю очередь потому, что Китай – суверенное государство.

А многие сегодняшние экономики в силу самых разных причин, в силу своих обязательств в рамках экономических союзов, военно-политических союзов добровольно отказались от части своего суверенитета и не в состоянии принимать решения ни в области экономики, ни в области обеспечения своей безопасности. Я сейчас никого ни к чему не призываю, я просто отвечаю на Ваш вопрос.

Наверное, в какой-то момент наличие драхмы, наличие национальной валюты было бы целесообразно, потому что можно хотя бы с помощью инфляции, но как-то регулировать социальные процессы и избавиться от социального напряжения, не перекладывать всё, все сложности, связанные с развитием экономики, на плечи населения.

Но в своё время Греция приняла другие решения, переподчинила себя регулированию с помощью единой валюты и экономических решений в Брюсселе. Это не наше дело, это суверенный выбор Греческого государства. Как теперь в этих условиях поступать, мне сложно сказать. Но, как мне говорили некоторые мои друзья и коллеги из Евросоюза – такие, кстати, ещё есть, – в Брюсселе принимается больше обязательных для стран – участниц Евросоюза решений, чем принималось Верховным Советом СССР в бытность существования Советского Союза.

Здесь есть и плюсы, есть и минусы, но это уже не наше дело. Я попробовал ответить на Ваш вопрос, не знаю достаточно ли этого. Так я думаю на этот счёт.

Да, пожалуйста, прошу Вас.

И.Абрамова: Большое спасибо, Владимир Владимирович, тем более что я пока первая женщина, которая участвует в сегодняшней дискуссии.

Я хочу сказать, что совсем недавно, с 2023 года, африканская повестка стала валдайской повесткой. Это очень важно, потому что то, что обсуждается на «Валдае», важно не только для интеллектуалов и экспертов, а для всей нашей страны.

Очень символично, что спустя один день после завершения нашей работы начнётся первая министерская конференция Россия – Африка, тоже в Сочи.

Вы на пресс-конференции БРИКС сказали, что Африка вместе с Юго-Восточной Азией является новым центром глобального роста. Сегодня Вы повторили эту мысль.

Понятно, что за симпатии африканского населения сегодня очень большая конкуренция. К России отношение прекрасное, несмотря на то что в 90-е годы, считается, России ушла из Африки. Когда пересекаешь границу, тебя спрашивают: откуда ты? Ты говоришь: я из России. Они говорят: oh, Russia, Putin. Это действительно так практически по всей Африке.

Это связано, на мой взгляд, с тем, что Россия – в отличие от Запада, который грабил народы для собственного благополучия, – обеспечивала африканцам не только политический, но и экономический суверенитет, стояла у основ создания экономики африканских стран, развития гуманитарного пространства и так далее.

Но в условиях жесточайшей конкуренции – и Китай, и Индия, и старые игроки, и даже Турция, страны [Персидского] залива, Иран – России нужно найти свою нишу, где она будет лучшей для африканцев.

Мы как эксперты тоже свои предложения выдвигаем, на что нужно обратить внимание. Но Вы провели десятки переговоров с африканскими лидерами, с некоторыми не один раз. Было ли на этих переговорах какое-то одно перспективное направление, о котором бы говорили все африканские лидеры?

Спасибо.

В.Путин: Вы знаете, всё-таки Африканский континент огромный, и уровень экономического развития, уровень состояния в сфере безопасности – очень разные.

Я соглашусь с Вами в том, что у нас нет противоречий практически ни с одной африканской страной, и уровень доверия, взаимной симпатии очень высокий. Прежде всего потому, что в истории наших отношений с Африканским континентом не было никакой тени – никогда, мы никогда не занимались эксплуатацией африканских народов, никогда не занимались чем-то антигуманным на Африканском континенте. Наоборот, всегда поддерживали Африку, африканцев в их борьбе за свою независимость, за суверенитет, за создание каких-то базовых условий развития экономики.

Теперь, конечно, в современных условиях нужно по-новому работать. Для всех практически очень важно, если есть что-то общее с созданием благоприятных условий для развития в области безопасности. Потому что эти неокOLONIALНЫЕ инструменты сохранились в экономике со

стороны западных стран, но и в сфере безопасности тоже. И всё это в совокупности давало определённые преимущества и возможность использовать эти неокOLONиальные инструменты. Но это людям уже надоело, тем более что отдачи-то большой они от этого не видят.

Я уже говорил, могу только повторить: на наших встречах, на саммитах и на двусторонних встречах африканцы никогда ничего не просят и не кланчат, они не стоят с протянутой рукой. Они, во-первых, быстро развиваются, во-вторых, чувствуют, что у них есть ресурсы и возможности, а в-третьих, они просят только об одном: наладить естественное, взаимовыгодное сотрудничество. И мы тоже к этому стремимся.

Но мы, конечно, не можем это делать на государственном уровне так, как это делалось в Советском Союзе. Мы делаем, стараемся создать условия для работы наших компаний ведущих. Тем более что инвестиционный потенциал наших компаний очень высокий, он реально очень высокий. Речь идёт о возможности вложений сотен миллионов долларов, я без преувеличения говорю. Мы сейчас в Египте, скажем, строим атомную электростанцию, мы же инвестируем туда почти 20 миллиардов долларов – так, на минуточку. Но и в других странах, в других областях мы готовы так же работать.

Но, конечно, очень трудно работать в сфере экономики, если не созданы условия для обеспечения безопасности. Ведь, скажем, в Сахельской зоне, Сахаро-Сахельской, там до сих пор людей терзают различные полутеррористические или террористические группировки. В той или другой стране внутривполитическая нестабильность. И практически все обращаются к нам помочь им в этой сфере. Мы с удовольствием – в рамках международного права – стараемся им помочь.

При этом мы никого не пытаемся выдавливать оттуда, понимаете? Вот иногда на нас обижаются некоторые европейцы: вот вы создаёте условия, нас выдавливают. Да мы здесь ни при чём, просто вас не хотят там уже видеть, в этом всё дело. И чтобы не образовалось вакуума в сфере безопасности, они у нас просят этот вакуум заполнить. Мы стараемся делать, но достаточно аккуратно, но всё-таки настолько эффективно, насколько требуется для решения этой задачи.

Очень много – и прежде всего – нужно делать в сфере экономики. Мы постараемся в этом направлении работать.

А такие встречи, какие будут завтра или послезавтра, министерская встреча, – такие встречи призваны создать благоприятные для этого условия.

Подготовка кадров продолжается, она до сих пор идёт, причём кадров и в гражданской сфере, и в военной сфере. В наших учебных военных заведениях обучаются будущие специалисты вооружённых сил этих государств. И в сфере подготовки кадров в правоохранительной области – то же самое. В общем, мы будем работать по всем направлениям. В сфере культуры: у нас же огромный интерес в России к культуре народов Африки. Надо сказать, что это взаимный интерес. Будем напряжённо, ответственно, системно работать по этому направлению.

Вопрос (как переведено): Мне очень приятно, что я вторая женщина, которая задаёт Вам вопрос.

Господин Президент, я представляю Китайский клуб международного диалога.

Если мы сделаем это допущение: вернёмся на два года назад, скорее всего, в февраль 2022 года, что бы Вы сказали китайскому лидеру по тайваньскому вопросу в тот момент?

Если мы посмотрим на то, каким образом мир будет выглядеть, скажем, в течение следующих 25 лет, в 2049 году, каким образом, с Вашей точки зрения, будет выглядеть многосторонний, многополярный мир? Есть ли какие-то мощные силы, которые выступают в поддержку такого мира? Должна какая-то одна страна выступить в поддержку такого мира?

В.Путин: Я начну с того, чем Вы закончили. Мне бы хотелось, чтобы мир был сбалансированным и чтобы в нарождающейся многополярной системе учитывались по максимуму – настолько, насколько это возможно – интересы всех участников международного общения. Чтобы была создана система, которая бы учитывала интересы друг друга, и чтобы был создан механизм поиска

компромиссов. Надеюсь, что нам удастся создать такую систему – во всяком случае, стремиться к этому нужно.

Кто этого хочет, есть ли такие силы, которые стремятся к этому? Есть, конечно. Прежде всего это участники БРИКС. Мы только что об этом говорили и говорили об этом на саммите в Казани. Извините меня, это немало.

Ваша родная страна – Китайская Народная Республика, это Индия, это ЮАР, это Бразилия – крупнейшая страна Латинской Америки, Россия, которую представляет Ваш покорный слуга сегодня, и весь российский народ, уверяю Вас, настроены именно на такое миролюбивое развитие ситуации в мире, создающее условия для того, чтобы процветали все участники международного общения. Не знаю, прогнозировать невозможно, но стремиться к этому нужно.

Так, давайте, пожалуйста. Встаньте, пожалуйста.

Прошу Вас.

Вопрос: Владимир Владимирович, спасибо за очень интересное выступление, ответы на вопросы. Вы уже сказали, что иногда тяжело говорить о средствах, в том числе о военных средствах. У меня как раз об этом вопрос.

Россия традиционно критикует использование военной силы для разрешения сложных международных ситуаций, но в 2022 году Россия сама прибегла к силе. Вы очень убедительно объясняете, почему это было необходимо и почему Россия вправе в данном случае использовать военную силу. Но нельзя за другими не признавать того права, к которому апеллируешь сам.

И конкретно если спросить о Ближнем Востоке. За кем в этом регионе Россия признаёт право на применение военной силы, а чьи военные акции считает незаконными в современных условиях того кризиса, который развивается?

И ещё уточняющий, почти технический вопрос в этой связи. В каких границах Россия признаёт Израиль? Потому что когда речь заходит об агрессии, самообороне, апелляции к этому базовому праву, то вопрос границ, конечно, возникает.

Спасибо.

В.Путин: Это несложный вопрос. Ситуация сложная, а вопрос несложный. Я попробую сформулировать его сразу в двух частях.

Россия считает необходимым исполнить все решения Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций по Израилю и Палестине.

Это не конъюнктурная политика. Она, эта позиция, является традиционной ещё со времён Советского Союза, и Россия продолжила эту линию. Так что если будут исполнены все решения Совбеза и Генассамблеи по поводу создания двух независимых суверенных государств, это, на мой взгляд, и будет основой для решения кризиса, каким бы тяжёлым и острым он ни был и не казался сегодня. Вот и всё.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, не могу не доспросить, раз уж зашла речь о границах. А Украину мы в каких границах признаём?

В.Путин: Вы знаете, мы всегда признавали границы Украины в рамках наших договорённостей после распада Советского Союза. Но обращаю Ваше внимание на то, что в Декларации о независимости Украины написано – и Россия это поддержала, – значит, что Украина является нейтральным государством. И на этой базе мы признавали и границы. Но позднее, как известно, украинское руководство внесло изменения в Основной закон и объявило о своём желании вступить в Организацию Североатлантического договора, а мы так не договаривались. Это во-первых.

А во-вторых, мы никогда и нигде не поддерживаем никаких государственных переворотов, не поддерживаем его и на Украине. Мы понимаем и поддерживаем людей, которые с этим госпереворотом не согласились, и признаём их право защищать свои интересы.

У меня уже неоднократно состоялась дискуссия с Генеральным секретарём ООН [Антониу Гутеррешем], и здесь секрета нет. Я думаю, что он на меня тоже сердиться не будет. Он поддерживает тех, которые говорят о том, что мы нарушили нормы и принципы международного права, Устава ООН, что мы начали боевые действия на Украине. Я уже говорил, но воспользуюсь, пожалуйста, и Вашим вопросом, повторю ещё раз логику наших действий.

Смотрите, если в соответствии со статьёй первой, по-моему, Устава ООН каждый народ имеет право на самоопределение, то и люди, которые проживают в Крыму, и люди, которые проживают на юго-востоке Украины, не согласившиеся с госпереворотом, а это незаконный антиконституционный акт, имеют право на самоопределение, так? Так.

Международный суд ООН в отношении Косово принял решение, анализируя ситуацию вокруг Косово, что какая-то территория, объявляя о своей самостоятельности, не должна, не обязана спрашивать мнение и разрешение центральных властей страны, в которую эта территория на данный момент входит, на момент принятия решения, так? Конечно, так, потому что это решение Международного суда ООН.

Значит, и вот эти территории, включая Новороссию и Донбасс, имели право принять решение о своём суверенитете, так? Ну конечно, так. Это полностью соответствует сегодняшнему международному праву и Уставу ООН. Если это так, то мы имели право заключить с этими новыми государствами соответствующие межгосударственные соглашения, так? Ну конечно, так. Мы это сделали? Сделали.

В эти договоры включаются положения о взаимопомощи. Мы их ратифицировали и взяли на себя определённые обязательства. А затем эти вновь образованные государства обратились к нам с призывом о помощи в рамках этих договоров. Мы имели возможности и обязаны были это сделать. Что мы и сделали, пытаюсь прекратить боевые действия, начатые киевским режимом в 2014 году. Мы не начинали никакой интервенции, агрессии, а мы пытаемся прекратить её.

Генеральный секретарь [ООН] всё это выслушал, покивал молча, говорит: ну да, хорошо, но всё равно ты напал. Я не шучу, прямо слово в слово. Рационального ответа-то нет. Где в этой цепочке ошибка? Что я сказал не так? Где мы нарушили международное право и Устав ООН? Нигде, нет этих нарушений.

А если это так, то граница Украины должна проходить в соответствии с суверенными решениями людей, которые проживают на определённых территориях и которые мы называем своими историческими территориями. Всё зависит от динамики происходящих событий.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, если вернуться к первому звену Вашей цепочки, можно ли так понимать, что когда будет нейтралитет, тогда про границы и поговорим?

В.Путин: Если нейтралитета не будет, то трудно себе представить наличие каких-то добрососедских отношений между Россией и Украиной.

Почему? Потому что это значит, что Украина будет постоянно использоваться в качестве инструмента в чужих руках и во вред интересам Российской Федерации. Таким образом, базовых условий для нормализации отношений создано не будет и ситуация будет развиваться по непредсказуемому сценарию. Нам бы очень хотелось этого избежать.

Напротив, мы настроены как раз на то, чтобы создать условия для долгосрочного урегулирования и чтобы Украина в конце концов стала независимым, суверенным государством, а не была бы инструментом в руках третьих стран и не использовалась бы в их интересах.

Вот смотрите, что сейчас, скажем, происходит на линии боевого соприкосновения или, скажем, в Курской области? Вот они зашли в Курскую область – потери колоссальные: за три месяца боевых

действий потерь больше, чем за весь прошлый год у киевского режима – свыше 30 тысяч. Ну танков меньше потеряли: сейчас где-то около 200, а в прошлом году за весь год потеряли там 240, по-моему. Просто меньше танков стало – вот и потерь меньше, меньше используют.

А почему они там сидят, неся такие потери? Да потому что приказано из-за океана: любой ценой, именно любой ценой держаться хотя бы до выборов, чтобы показать, что все усилия администрации Демпартии на киевском направлении, на украинском направлении были не напрасными. Держаться во что бы то ни стало, любой ценой. Вот эта цена. Ужасная трагедия, я считаю, и для украинского народа, и для украинской армии.

И решения продиктованы не военными соображениями, если по-честному сказать, а соображениям политического характера. Сейчас на некоторых направлениях, на Купянском направлении, не знаю, говорили это военные или нет пока, – там два очага блокирования. В одном очаге практически окружение: войска украинские прижаты к водохранилищу, около 10 тысяч группировка заблокирована. В другом, под Купянском, около пяти тысяч в окружении уже находятся. И пытаются навести понтонные переправы, для того чтобы хотя бы частично эвакуироваться, но наша артиллерия их мгновенно уничтожает.

На направлении в зоне ответственности нашей группы «Центр», там тоже уже два-три участка блокирования – два точно, наверное, будет скоро и третий. Это же всё военные-то видят украинские, а решения принимаются на политическом уровне не в интересах ни Украинского государства, ни тем более украинского народа.

Если это будет продолжаться бесконечно, то, конечно, это не приведёт к созданию благоприятных условий для восстановления мира, спокойствия и сотрудничества между соседними государствами на длительную историческую перспективу, а именно к этому мы и должны стремиться. Именно к этому и стремится Россия.

Поэтому мы и говорим: мы готовы и к мирным переговорам, но только не на базе каких-то «хотелок», название которых меняется от месяца к месяцу, а на базе реалий, которые складываются, и на основе договорённостей, которые были достигнуты в Стамбуле, – на базе, исходя из реалий сегодняшнего дня.

Но только речь должна идти не о перемирии на полчаса или на полгода, для того чтобы снарядов им подкатали, а для того чтобы создать благоприятные условия для восстановления отношений и сотрудничества будущего в интересах двух народов, которые, безусловно, являются братскими, как бы это ни осложнялось риторикой, сегодняшними трагическими событиями во взаимоотношениях между Россией и Украиной.

Поэтому наша позиция понятна, ясна. Мы будем в этом направлении действовать, будем двигаться в этом направлении.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, 23 часа 18 минут сейчас у нас.

В.Путин: Пора завязывать, как говорят в народе.

Ф.Лукьянов: Давайте ещё блиц, несколько вопросов – и закругляться.

В.Путин: Пожалуйста.

Ф.Лукьянов: Давайте, Алжир.

А.Кариеф (как переведено): Господин Президент, в свете чудовищного геноцида, который сейчас разворачивается в Палестине, поддержала бы Россия, помогла бы она международному сообществу вновь поддержать инициативу по криминализации сионизма? Такая инициатива была в ООН в 80-е годы – объявить сионизм преступным.

И во-вторых, господин Президент, Вы говорили об Олимпийских играх, говорили о боксёрах-женщинах. Я думаю, что речь идёт об алжирском боксёре. Это женщина, её отец говорит, что она

женщина. У нас очень консервативное общество, и ничего подобного в нашей стране не могло бы произойти.

Спасибо.

В.Путин: Вы знаете, если она женщина, дай бог ей здоровья и новых спортивных достижений. Тогда я говорил не о ней. Я говорил о том, что невозможна ситуация, когда кто-то объявляет себя женщиной и выходит с женщинами соревноваться, хотя, прошу прощения, внешние половые признаки говорят о другом. Но некоторые теоретики спорта полагают, что внешние половые признаки здесь ни при чём, человек объявил себя женщиной – и вперёд. Так можно дойти до чего угодно, понимаете? Это первое.

Второе – по поводу сионизма. Я понимаю, много раз об этом говорил, говорил о том, что любые действия должны быть соразмерными угрозе и тому, что происходит с другой стороны. Мы, безусловно, осуждаем любые проявления терроризма; нападение на Израиль – это проявление, 7 октября это произошло. Но, конечно, ответ должен быть соразмерным.

Вы знаете, сейчас нужно стремиться к тому, чтобы свести к минимуму, к нулю страдания палестинского народа. Надо немедленно прекратить там боевые действия, надо сделать всё, для того чтобы и Израиль, и Палестина, в данном случае ХАМАС, договорились об этом. Можно сколько угодно обострять, обвинять, осуждать, но сейчас самое главное – прекратить боевые действия немедленно. Израиль ведёт боевые действия, и, казалось бы, там уже негде воевать-то, но боевые действия продолжают, вооружённые формирования того же ХАМАС воюют. Как долго это может продолжаться?

Или на юге Ливана: группировка 63 тысячи [человек], по нашим представлениям, стоит – на южную часть Ливана зашли войска, но основная группировка стоит на границе. Нельзя доводить и там до трагедии, надо искать пути к тому, чтобы найти взаимоприемлемые решения.

Вопрос: а они вообще есть? Это возможно? Я считаю, что да, возможно, как это ни покажется странным. У нас есть даже свои соображения на этот счёт. Мы пытаемся даже разговаривать со всеми участниками этого конфликта, пытаемся нащупать, что могло бы быть приемлемым для всех. И в целом там свет в конце туннеля может замаячить. Мне кажется, нам надо всем над этим сейчас думать. Полагаю, что это возможно, как это ни кажется наивным, может быть. Но это возможно. Мы в постоянном контакте буквально со всеми если не каждый день, то каждую неделю.

Давайте попробуем идти по этому пути. Я очень боюсь хоть что-то разрушить из тех усилий, которые мы сейчас прилагаем. Не мы одни, но и с некоторыми нашими, так скажем, партнёрами тоже в контакте по этому вопросу. Общее желание. Я говорю искренне: кажется, что здесь в правильном направлении движемся.

У меня такое чувство, что на сегодняшний день уже практически все вовлечённые в этот тяжёлый процесс участники как минимум не хотят дальнейшего развития в сторону конфронтации, а, наоборот, тоже думают о том, как выйти на какие-то договорённости. Давайте об этом сейчас будем думать, хорошо?

Мы работаем над этим. Как ни покажется странным – у нас у самих конфликт с Украиной, – но поскольку к нам тоже обращаются многие участники конфликта с этими идеями, с предложениями, а мы в естественном контакте со всеми, то мы на этом треке тоже стараемся внести свой, так скажем, аккуратно и скромно, посильный вклад в решение этих проблем.

Ф.Лукиянов: У Вас раньше были очень хорошие личные отношения с Нетаньяху. Они сохранились?

В.Путин: Я стараюсь ничего не портить, только всё улучшать. Но сегодняшние условия очень своеобразные, что говорить, они накладывают отпечаток на всё, в том числе и на наши отношения.

У меня и с Макроном были хорошие отношения – а что, плохие? Я и с Шольцем разговаривал. Но в какой-то момент они решили, что это им не нужно. Не нужно, значит, не нужно, я уже говорил. У меня и с Трампом были нормальные отношения. Не знаю, сейчас он хочет, не хочет разговаривать. Я и с Байденом был в нормальных отношениях. Мы же с ним встречались в Швейцарии, общались, по телефону разговаривали, созванивались, шутили, смеялись.

Ф.Лукиянов (представляя спикера): Саудовская Аравия.

Реплика: Рад Вас видеть, господин Президент.

В.Путин: Взаимно.

Вопрос: Слушая Вашу речь в этом зале, невольно вспоминал Вашу речь на Мюнхенской конференции в 2007 году.

Действительно, мировой порядок перестал быть однополярным. Сейчас есть три великие державы – США, Россия и Китай. По всей видимости, эти страны будут соревноваться между собой. Горячая война между ними маловероятна, потому что у каждой из них есть оружие массового уничтожения. Но торговые войны и санкции Запад уже начал проводить. И это может перерасти в финансовые войны.

Поэтому мой вопрос, господин Президент: Россия готова к такому развитию событий, особенно если эти войны будут долгосрочными, или, по Вашему мнению, у мирового порядка есть другой вариант развития?

Спасибо.

В.Путин: Во-первых, в число великих держав, безусловно, надо включить Индию: полтора миллиарда человек, самые большие темпы экономического роста среди крупных экономик, древнейшая культура и так далее. И перспектива, очень хорошая перспектива роста.

Но есть и другие быстро развивающиеся страны, которые, безусловно, будут входить в число государств, оказывающих большое влияние на текущую политику, на мировое развитие и на будущее человечества. Посмотрите, что с Индонезией происходит – 300 миллионов [население]. А в некоторых странах Африки? Саудовская Аравия, кстати, играет тоже очень большую роль в мировой энергетике. Одного этого достаточно. Одного движения, одного слова Наследного принца достаточно для того, чтобы повлиять на мировые энергетические рынки, – влияние колоссальное.

Что касается тех стран, о которых Вы упомянули, Вы сказали про соперничество между ними. Но Вы знаете, здоровая конкуренция всегда хороша, она никому не вредила никогда. Я говорю это без всякой иронии, правда. Это просто вызывает к жизни внутренние силы той или другой стороны, помогает её развитию.

Монополия плоха. Там, за океаном, говорят, что есть только один хороший случай, когда монополия хороша: когда она своя. Но это шутка, потому что на самом деле и это плохо, она подрывает внутренние основы, внутреннюю энергию роста тех, кто сидит на этой монополии.

Поэтому здесь ничего такого особенного нет. Главное, чтобы эта конкуренция естественная не переросла в какую-то агрессию одной стороны в отношении другой. Главное, чтобы выработанные и согласованные между всеми участниками международного общения правила, именно согласованные, а не кем-то придуманные ради себя и в своих интересах, чтобы они соблюдались. Чтобы ограничения, санкции, которые мы называем нелегитимными, не принимались и не использовались в качестве инструмента конкурентной борьбы. Почему я говорю «нелегитимные»? Потому что они противоречат действующим международным нормам, нормам ВТО и так далее. Поэтому они нелегитимны. Что же здесь легитимного? Это очевидная вещь. Их политизируют, а потом используют в конкурентной борьбе.

Введение санкций против России или введение санкций против Китая – часто это идёт во вред тем, кто это применяет.

США и Китай – у них огромный объём экономического взаимодействия. Ну применили в отношении Китая санкции, дальше что? И сами себе, может быть, в ущерб что-то сделали.

В Европе, например, ограничивают китайские товары какие-то, вводят ограничения. А на чём Европа сидела? Сами же европейцы признают: два главных преимущества – относительно дешёвые энергоресурсы из России и дешёвые товары ширпотреба из Китая. И чего сейчас будет? Они прикроют это, добровольно отключили наши ресурсы относительно дешёвые, повторяю. Мы видим: на грани рецессии там всё балансирует. Они сейчас откажутся от достаточно дешёвых китайских товаров. Что будет? Инфляция будет. То же самое в Штатах будет происходить. Там проблем достаточно: тройной дефицит, 34 триллиона [долларов] долг, дефицит внешней торговли, дефицит, связанный с бюджетом – сколько у них там, шесть процентов что ли. У нас при всех ограничениях, которые они нам пытаются вводить, дефицит около двух процентов, меньше двух процентов. А там шесть. Сами себе подрывают способы, институты развития.

Поэтому здоровая конкуренция – да, она естественна и возможна. Использование незаконных инструментов в качестве конкурентной борьбы – плохо и будет наносить ущерб прежде всего тем, кто их применяет. Надеюсь, что осознание этого придёт на таком здоровом, хорошем политическом уровне, и мы сможем обо всём договориться. А как это сделать, я говорил в своём выступлении.

Спасибо.

Давайте будем заканчивать, а то мы до утра с вами здесь просидим.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, давайте будем заканчивать. Но Вы меня простите, я по диплому филолог-германист...

В.Путин: «Филолог-гармонист».

Ф.Лукьянов: Да, «гармонист». Но Вы тоже «гармонист» были.

В.Путин: Нет, я юрист.

Ф.Лукьянов: Вы очень меня взволновали тем, что сказали, что забываете немецкий язык.

В.Путин: Я же его не применяю. Это как музыкальный инструмент – каждый день надо пользоваться. Словарный запас уходит.

Ф.Лукьянов: Можно я дам слово Роджеру Кёппелю? Он у нас главный представитель немецкого языка.

В.Путин: Кто?

Ф.Лукьянов: Роджер Кёппель из Швейцарии. Пожалуйста.

В.Путин: Да, пожалуйста. Но это Schweizerdeutsch [швейцарский немецкий].

Ф.Лукьянов: Но он может и hoch тоже.

Р.Кёппель (как переведено): Большое спасибо, господин Лукьянов, господин Президент.

Это был действительно выдающийся вечер. Я никогда не видел лидера Вашего масштаба, который так долго общался бы со всеми так поздно и так долго. Поздравляю Вас. Потрясающе.

Тем не менее хочу подвергнуть вопросу Ваш термин «коллективный Запад». Возможно, я часть «коллективного Запада», но я не считаю себя частью какого-либо коллектива. Я не вижу коллективного Запада, но я вижу группу политиков с растущим количеством проблем. Мы видим правительства, которые на последнем издыхании, мы видим кризис руководства.

Я был на саммите, который проводился в Вене, с бывшим канцлером Шрёдером и премьер-министром Орбаном. Господин Шрёдер был последним хранителем стратегической автономии

Европы, как Вы сами знаете. Было интересно, потому что я видел, что был значительный интерес к такого рода мероприятиям. Мне показалось, что идут тектонические сдвиги в Европе, меняется ландшафт.

И вот здесь я позволю покритиковать Вас, с большой властью приходит большая ответственность. Мне кажется, что Вы отказываетесь от коммуникации с более широкой публикой в Западной Европе, во всей Европе, в немецкоговорящей части Европы, потому что Вы как человек, как Президент, как политик, представляющий Вашу страну, крайне важны. Это крайне важная тема в политике. Если бы Вы общались, если бы Вы поощряли этих людей, то это имело бы воздействие, без вмешательства в выборы, это бы помогло привести к переменам, которые многие люди в Европе хотят.

Мой вопрос: разделяете ли Вы такой взгляд? И были бы Вы готовы дать интервью независимым журналистам? Не буду называть конкретные, конечно, имена. (Смех.)

Ф.Лукиянов: Вы знаете этого журналиста.

В.Путин: Вы вспомнили про господина Шрёдера – у меня с ним очень хорошие личные отношения были и есть. Он удивительный человек для современного европейского политического класса. Я говорю без всякой иронии, без всякого преувеличения. Удивительный почему? Потому что у него есть своё мнение, и он его свободно формулирует.

Когда начали портиться отношения с Россией, он не побоялся свои позиции формулировать, публично их излагать. Его начали обвинять во всех смертных грехах. Я просто старался никак не вмешиваться, ничего не комментировать.

Что он делал, что мы с ним сделали? Мы построили «Северный поток», газ поставляли в Европу. Что здесь плохого? Сейчас нет в Германии российского газа. Наступившие последствия – тяжёлые, не только из-за этого, но в том числе из-за этого. И сейчас мы пока не видим ничего, что могло бы это всё заменить.

Я, когда с нашими экспертами разговариваю... Я сейчас скажу, это не я говорил, я только повторяю, что они сказали. Я не хочу никого обижать, боже упаси. Прозвучит не очень хорошо. Я всё-таки спрашиваю у наших, у своих коллег, экспертов, говорю: что в Европе не хватает сейчас? Ответ такой: мозгов им не хватает. Не потому, что они глупые, нет, а потому, что решения в сфере экономики принимаются политиками, которые к экономике не имеют никакого отношения. Решения политизированные, непросчитанные и не имеющие под собой реального обоснования.

Это касается и «зелёной» повестки. Благородная вещь – борьба за климат? Ну конечно, благородная. Это нас всех настораживает? Да, а некоторых пугает. Но специально пугать, чтобы потом протаскивать решения, которые нереализуемы, – это же нечестно по отношению к избирателям. Нечестно просто.

«Зелёная» повестка хороша? Да, хороша. Нужны новые инструменты и технологии? Нужны. А можно ли прожить такой экономике, как Германия, исключительно на новых, «зелёных» технологиях? Невозможно, надо сокращать тогда объёмы экономики или вернуться к угольной генерации, как сейчас происходит во многих европейских странах, в том числе и в Федеративной Республике.

Под давлением раскачали общественное мнение, напугали людей – взяли и убрали атомную генерацию, потом угольную, потом и газ не нужен. Потом нет, всё-таки одумались, газ мы туда начали поставлять по разным каналам. Шрёдер это делал. Он делал это не в интересах Российской Федерации, не потому, что нам создавал условия для продаж и получения какой-то экономической выгоды. Он делал это исключительно в интересах немецкого народа и боролся за то, чтобы были наилучшие условия этих поставок, и [за] создание этих инфраструктурных возможностей.

И судя по тому, что происходит в немецкой экономике, после того как эти возможности утрачены, результат его работы был очень хороший. Теперь мы видим: этого нет – и вот результат. Но он-то

это делал, принимал решения совсем непопулярные с точки зрения внутренней экономической политики, рисковал своей политической карьерой – и делал это сознательно. Нужно было просто принимать не очень популярные решения в сфере сокращения социальных расходов и так далее. Но с экономической точки зрения это было совершенно необходимо. Он знал, что это повлечёт неблагоприятные для него политические последствия. Но он всё равно на это пошёл. Он человек, который принимает решения не в своих интересах, а в интересах Германии.

Так же выстраивал отношения во внешней политике. Вспомним события в Ираке. Он был против американской интервенции туда, прямо об этом, публично говорил – так же как и Ширак, чем вызвал, конечно, неудовольствие тех, кто думал иначе, и тех, кто командовал из-за океана. В конце концов и оказался не у дел. Он очень порядочный человек и последовательный. Таких немного. Есть в Европе такие люди, но их совсем немного – по пальцам пересчитать, на одной руке будет достаточно.

Я думаю, что это всё равно будет в Европе происходить. Потому что люди же видят, что происходит в реальной жизни, если увеличивается разрыв между так называемыми правящими элитами, которые в силу самых различных причин вынуждены даже, скажу так, ориентироваться на чужие интересы, и основной массой населения. Мы видим это. И рост национально ориентированных политических сил растёт и будет расти.

По поводу того, что я, как Вы сказали, уклоняюсь от общения с широкой аудиторией в Европе. Вы знаете, я считаю некорректным обращаться напрямую к населению тех стран, руководство которых предаёт нас анафеме и слушать ничего не хочет, никаких аргументов не хочет слушать.

Там у нас работают соответствующие структуры – их тоже зажимают, несмотря на декларируемую свободу слова. Нашим журналистам не дают же работать там нигде: ни в Европе, ни в Штатах. Всё закрывают, придумывают кучу сложностей. Вот Маргариту [Симоньян] спросите, она Вам расскажет, как с ними поступают и с их журналистами. У нас всего-то одна точка опоры там – Russia Today, и всё, ничего нет. У нас же не разветвлённая система, не так, как у англосаксов – мировые СМИ. У нас же их нет. Но и это стараются закрыть, и этого боятся.

Пожалуйста, я открыт [к интервью], насколько это возможно. Вы знаете, с Такером Карлсоном встречался, время от времени контакты происходят с западными журналистами, пожалуйста.

Просто прямо туда обращаться – реакция-то какая нездоровая: на любое слово там поток сознания начинается.

Вот избранного Президента [США] помните как обвиняли в связях с Россией? Потом уже провели слушания в Конгрессе, комиссию создали по расследованию его связей с Россией – ничего нет. Так не было ничего, поэтому и нет. Ничего не доказали, ничего нет. И всё равно с невообразимой энергией, которой можно было найти лучшее применение, чуть ли не до последнего момента использовали мнимые связи с Россией. Чушь собачья. Мне не хочется никому создавать проблем там – это третье.

И четвёртое – все процессы, которые в той или другой стране, должны происходить внутри страны. Так и будет происходить. Эти национально ориентированные политические силы будут расти не потому, что я что-то говорю нашим единомышленникам в Европе, а таких много, и в Штатах много таких единомышленников, а потому, что это диктуется законами внутреннего развития общества. Это самая прочная основа будущих изменений. Они будут наверняка.

Ф.Лукьянов: Владимир Владимирович, последнее. В западных комментариях постоянно встречается одна мысль – недавно опять, вчера, что ли, встретил...

В.Путин: Мысли есть – уже хорошо.

Ф.Лукьянов: Уже есть. Мысль очень хорошая, кстати, со стороны тех, кто как будто, как бы, позитивен. Так вот они пишут: с Путиным, понятно, ничего невозможно, но Путин рано или

поздно уйдёт, а тогда с Россией надо будет налаживать [отношения], её интегрировать обратно, потому что она вернётся на прежний путь. Вернётся она на прежний путь?

В.Путин: Россия идёт своим путём. Надеюсь, она с пути следования своим национальным интересам не свернёт. Её, конечно же, нужно интегрировать. Мы от этого никогда не отказывались. Но мне бы не хотелось, чтобы Россия вернулась на путь, по которому шла до 2022 года, как я уже говорил в своём выступлении, а это был путь, который был сопряжён со скрытой, завуалированной интервенцией в отношении нашей страны, направленной на её подчинение интересам каких-то других стран, которые считали, что они имеют на это право. Россия не может существовать в таком подчинённом или полуподчинённом состоянии. И мне кажется, что наш народ, самый простой народ, простые граждане, это осознали, когда поняли, что пытаются с нами сделать наши геополитические противники.

Вся логика происходящих событий что показывает? Люди поняли, что происходит, поняли, что пытались с нами сделать, как бы красиво это ни выглядело и как бы нам покровительственники похлопывали по плечу. И именно с этим связана такая необычная, я бы даже сказал, консолидация российского общества. Именно с пониманием, в чём заключаются кардинальные, стратегические интересы страны – в укреплении её независимости, самостоятельности, суверенитета.

В ходе нашей предвыборной президентской кампании, я помню, особенно не было времени следить за всем, но смотрел, включил телевизор: иностранный корреспондент – какой-то, кстати, иностранный, не помню какой – подошёл на улице к мужчине в Белгородской области, в Белгороде – можно, наверное, в архивах найти этот эпизод – и спрашивает: вы куда? Он говорит: на избирательный участок. «Но это же опасно, дроны могут прилететь, можно пострадать. Зачем вы идёте? Почему вы не боитесь?» Ответ был очень короткий. Это [был] мужчина средних лет, он повернулся к нему, посмотрел так сурово и говорит: я русский, – и пошёл.

Так мог бы ответить представитель любого этноса Российской Федерации сегодня: и из Поволжья – я сейчас не хочу кого-то конкретно называть, потому что всех не перечислить, у нас 190 этносов, – и с севера Российской Федерации, и с Северного Кавказа, отовсюду. Потому что сегодняшние события привели к высшей консолидации российского общества и к пониманию, что такое суверенитет для нашей страны. Это одна из ключевых, жизненно необходимых основ развития России и её существования в будущем.

Спасибо.

Ф.Лукьянов: Спасибо Вам большое.

В.Путин: Спасибо большое вам и нашему ведущему. Благодарю вас.